

У Дарья
Калынина

Призрак
с хорошей
родословной

дамские приколы

Сыщицы-любительницы Мариша и Инна

Дарья Калинина

Призрак с хорошей родословной

«ЭКСМО»

Калинина Д. А.

Призрак с хорошей родословной / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
— (Сыщицы-любительницы Мариша и Инна)

Да разве есть на свете мужик, из-за которого стоит вешаться? Слов нет – беда большая: старый и богатый муж Виктор бросил гарну дивчину Любку, вернулся к первой жене. Бедняжка, разумеется, рвала и метала. Но чтобы взять и удавиться, оставив миленький ухоженный домик, подаренный супругом, на съедение чертовой старухе, которую Витек так и не смог забыть?! Нет, Любаша – девушка с бицепсами и бойцовским характером! Так что, судя по всему, малышке здорово помогли. Ну, ничего, подружки Юля и Мариша разберутся, кто тут постарался!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Калинина

Призрак с хорошей родословной

Глава 1

Поездка обещала быть замечательной. Во всяком случае, Катьку в этом заверил Володя, он же Прапор, а уже Катька поклялась в этом мне, Даше, и Марише. Знала бы наша подруга, как ужасно она нас при этом обманывает, в глаза бы смотреть постеснялась. Собственно говоря, всей это истории могло и не быть, не приспичь вдруг Прапору купить своей маме удобный загородный домик. По очевидным для всех, кому выпала честь лично познакомиться с мамой Прапора, причинам дом для летнего отдыха своей родительницы сынуля решил купить как можно дальше от Питера. Если бы ему было позволено, я так полагаю, он свою мамулю и на Камчатку бы заслал, чтобы уж оттуда она точно не нагрянула к нему с неожиданной ревизией и не помешала развлекаться в свое удовольствие.

Только в такую даль его мама сама ехать ни за что не согласилась бы. Компромиссом для матери и сына стала Новгородская область. Тоже недалеко от Питера, утешал себя Прапор, но все же не такая уж и даль, думала про себя его мама, чтобы в случае чего добраться до Питера за пару-тройку часов. Окончательно убедило мать Прапора в необходимости покупки дома именно под Новгородом то, что она сама была родом из тех мест, вот и дала свое добро.

– Опять же цены под Новгородом значительно ниже, чем у нас, – распространялся Прапор, крепко держа руль своей «Нивы», которой он стеснялся пользоваться в городе, но ценил за неприхотливость. – За те деньги, которые я скопил за год, поблизости от Питера можно купить только какую-нибудь жалкую халупу, правда, с огородом. А вот под Новгородом за эти же деньги получится вполне крепкий деревенский дом, да еще и с садом в придачу.

И теперь все мы в чудесном настроении катили по трассе на Новгород, намереваясь провести выходные на лоне природы, присматривая попутно подходящий домик. Настроение у нашей троицы – у Катьки, меня и Мариши – было приподнятое. Всегда приятно, когда твои близкие и друзья наконец-то начинают нормально зарабатывать, разумеется, не больше вас, иначе становится просто завидно, но столько, чтобы вести достойный образ жизни и даже время от времени делать какие-то крупные покупки. Ну вот вроде этого самого деревенского дома. Может быть, кто-то и скажет, что не бог весть какое приобретение, а все равно душу греет.

К тому же в окна машины ярко светило солнце, а по салону гулял приятный ветерок, поэтому жарко не было. Прапор уверенно вел машину, одновременно рассуждая с Женей на какие-то свои мужские темы, совершенно неинтересные нам. А мы, три девицы, уютно устроившись на заднем сиденье «Нивы», оживленно обсуждали, чем займемся по приезде в деревню.

– Хорошо бы молочка попить, – мечтательно произнесла Мариша. – Парного. Из-под коровки.

Я содрогнулась. Мое близкое знакомство с деревенским молочком закончилось самой ужасной ночью, которая была в моей жизни.

– Лучше кабанчика купить, – поддержала меня Катька, тоже опившаяся молоком еще в глубоком детстве. – И шашлыки устроить. Женька, а ты шашлыки любишь?

Этот вопрос был адресован пятому и последнему члену нашей компании, которого Прапор случайно встретил накануне и тоже пригласил в поездку. Женя считался другом Прапора, но несведущий человек легко мог бы принять их за родных братьев. Оба высокие брюнеты со смуглой кожей, склонные к полноте, с которой пытались бороться, но главное сходство – неравнодушные к женскому полу.

Женька, в частности, в данный момент неровно дышал к нам с Маришей. Он бы и к Катьке проявил интерес и подышал возле нее, но не хотел злить Прапора и ограничился мной с Маришей. Сама я затруднялась определить свое отношение к Жене, потому что совершенно ничего о нем не знала. Кроме того, что он работает где-то на таможне и, по словам Прапора, недавно тоже купил себе загородный дом, только под Лугой. В связи с этим Прапор и позвал его с собой в качестве эксперта, имеющего опыт приобретения деревенской недвижимости.

В ответ на Катькин вопрос насчет свиного шашлыка Женька смерил ее снисходительным взглядом и сообщил, что настоящий шашлык готовят только из молодого барашка. А все прочее – ерунда и подделка. И к шашлыку из ягненка нужно пить натуральное красное вино, а не новгородский самогон, который там, куда мы едем, в местечковых магазинчиках, он уверен, продается под видом водки. Вариант с местным пивом Женя тоже презрительно отверг, чтобы мы уж точно поняли, какой он гурман, не чета нам, способным наброситься и на шашлык из свинины, и даже на такой плебейский напиток, как пиво.

– Да ладно тебе, Женька! – осадил его Прапор. – Будет тебе. Лучше объясни, что там с кадастровым планом. Я что-то не очень понял.

Мужики снова всерьез и надолго увлеклись обсуждением проблемы правильного оформления бумаг, так как в такой глуши, куда собирался заслать свою мамулю Прапор, агентства недвижимости днем с огнем не сыщешь. А мы принялись глазеть в окно. Прапор собирался проехать несколько деревенок вдоль реки Мста, в которых имелись выставленные на продажу дома.

– И чего мудрит? – ворчала себе под нос Мариша. – В любой деревне есть парочка заброшенных домов. Приезжай и живи. Никто тебе и слова поперек не скажет. Хозяева десять лет к своей собственности не наведывались и еще двадцать носа не покажут.

– Моей маме нужен приличный дом, а не развалина какая-нибудь, – тут же ворчливо отозвался Прапор, который, оказывается, все слышал. – В развалюху она ехать ни за что не согласится.

До первой деревни, в которой находился намеченный Прапором к осмотру дом, мы добрались в середине дня, совсем немножко поплутав по окрестным деревням и в самом деле наткнувшись на обещанные Маришей без малого полтора десятка вполне приличных брошенных домов. Судя по заколоченным ставням, в них действительно никто не жил. Наша деревня называлась Малая Дубровка, и находилась она вблизи от просто Дубровки. Хотя никаких дубовых рощ и даже вообще дубов тут не наблюдалось. Возможно, когда-то они тут и росли, но затем местные жители распилили красавцев на дрова или для других нужд.

– Ну и как тебе дом? – осведомилась Катька у Прапора, после того как мы всей гурьбой обошли огромный и какой-то неуклюжий дом по периметру.

В нем был всего один этаж. Верней, два, но на первом когда-то располагались курятник, сеновал и хлев. И только второй был отведен под жилье для людей. Но внутрь нам попасть не удалось. Дом был закрыт, а хозяин ушел в запой в соседней деревне еще на прошлой неделе. На наш взгляд, мы проехали кучу домов, которые были ничем не хуже этого, но Прапор был настроен решительно и потащился сам и потащил нас в соседнюю деревню за запойным хозяином.

Мужик нашелся в третьем по счету обитаемом доме, где праздновали чьи-то именины. Нас сначала приняли за дальних родственников именинника, разыскиваемых уже два дня и наконец-то нашедшихся. Поэтому, невзирая на наши протесты, сразу же усадили вместе с остальными гостями. Потом, правда, недоразумение выяснилось, но приязнь к нам у хозяев дома все равно уже зародилась. Однако сразу же стало ясно, что к транспортировке или каким-либо переговорам хозяин продающегося дома не годен.

Прапор и Женя, странно блестя глазами, высказались за то, чтобы остаться тут и дожидаться, когда хозяин протрезвеет, а заодно немного перекусить и отдохнуть. Впрочем,

отдохнуть, что бы они ни понимали под этим словом, у них не получилось. Как только местные жители в лице пяти бабок, трех теток и одного одорукого мужика услышали, что явился перспективный покупатель, который скупает старые дома без разбору, они тут же начали предлагать Прапору дома один привлекательней другого. Причем, расхваливая свой товар, они безжалостно хулили дома конкурентов.

– Покупай у меня, милоч, – шамкала какая-то ветхая старушка. – Мне от бабки достался. Отличный дом. Еще дед мой строил.

– Да кому нужна твоя развалина! Бери у меня, – вмешалась вторая старуха, чуть помоложе Октябрьской революции. – На озере стоит. Прямо на берегу!

– Ой, уморила! – захохотала третья бабка. – Озеро! Да оно давно в болото превратилось. Торфяное болото. В ём даже рыба не живет!

– А вот у меня как раз возле дома пруд, там рыбу вполне развести можно! – вмешался в торга единственный мужик. – Сначала осушить, торф и ил выгрести и в город на удобрение продать, а потом снова воду набрать и в нее карпа запустить! Покупай у меня, как раз удобное место!

– Да какая там рыба! – возмутилась тетка. – Совсем ты мозги пропил. Там же коровник на берегу стоит. Вся навозная жижа в этот пруд и стекает.

– Тот коровник давно пустой стоит! Как колхоз развалился, там коров не держат! – обиделся мужик. – А земля от навоза только плодородней сделалась! От матери мне дом достался. Покупай, не пожалеешь. Дешево отдам.

– Ты, соколик, для кого дом-то покупаешь? – прищурившись, спросила у Прапора еще одна бабулька. – Для матери? Так ей лес нужен. Грибы, ягоды, знамо дело. А так в деревне что делать? Огород да лес. Вот и все развлечение. У меня бери. Там до леса и километра не будет.

– Да откуда там лес? – возмутилась какая-то крепкая тетка с румяными щеками. – Это тебе, Матвеевна, по старой памяти там лес чудится. Давно уже весь твой лес на дрова вырубали!

Весь разговор происходил за общим столом, в обществе нескольких бутылок с местной водкой и немудрящей крестьянской закуской – отварной картошкой, посыпанной укропом и политой растительным маслом, солеными огурцами, зеленым луком и редисом. Вместо мяса на столе лежали серовато-зеленого цвета кружки. Мы долго пытались выяснить происхождение этого диковинного блюда, они оказались вареной колбасой, третьего дня привезенной из соседней деревни, куда время от времени все же добиралась автолавка.

Увлечшись изучением странного сорта колбасы, мы с подругами не сразу поняли опасность, исходящую от этого деревенского застолья.

– Поехали отсюда! – заныла Катька на ухо Прапору, пытаясь отнять у него стопку с неприятно пахнущей водкой. – Твоя мама ни за что не согласится жить в такой глуши.

– Зато природа какая! – отвечал ей изрядно поднабравшийся Прапор, для убедительности втягивая в себя ноздрями воздух и явно прикидывая, сколько верст отсюда до ближайшей автобусной остановки или железнодорожной станции, с которой его мамуля сумеет удрать в город. По всему выходило, что изрядно.

– Обалдеть! – заключил наконец очень довольный Прапор и опрокинул в себя еще рюмку. Тут уж и мы с Маришей не смогли остаться в стороне.

– Что ты делаешь? – воскликнула Мариша, возмущенно глядя на Прапора. – Ты сейчас напьешься в зюю, а кто нас повезет?

– Я и повезу! – ухмыльнулся румяный Прапор, которого совсем развезло.

– Ну да! Повезешь! До ближайшей канавы! – сказала Мариша.

– Тогда сама за руль садись, – предложил ей Прапор. – Ты же ничего не пила. А права у тебя есть.

И, сделав это заявление, он выбрался из дома, улегся прямо на травке во дворе и захрапел богатырским храпом, велел разбудить его, когда проснется хозяин того дома, который он собирался покупать.

Хозяин проснулся часа через два. Но, увы, мы с девчонками проморгали этот момент, когда относительно неплохо соображающего мужика нужно было хватать под белы ручки и тащить осматривать объект продажи. В общем, когда мы вернулись с прогулки по окрестностям, то венки из полевых васильков, ромашек, колокольчиков и других цветов попадали у нас из рук.

Хозяин дома сидел в обнимку с осоловевшими Прапором и Женей, и они нестройными голосами пытались вывести «Березку».

– Это что же такое делается? – угрожающе надвинулась на мужиков Мариша. – Вы что, опять пьете? А ехать когда?

– А чего ехать? – пьяно осведомился мужик. – Дом я в прошлом году еще сторговал. Не продается он нынче. Поздно приехали.

– Прапор, ты откуда об этом доме узнал? – насупилась Катька.

– Из Интернета, – отозвался Прапор, которого, похоже, ничуть не обескуражила такая неудача. – А что?

– А что, если и остальные адреса окажутся такими же пустышками? – выразила я легкое сомнение в удаче нашего предприятия.

– Не окажутся, – заверил меня Прапор. – Сейчас поедem в соседнюю деревню. И все купим.

Он сделал попытку подняться, но тут же рухнул обратно на лавку. Женя уже мирно дремал, уронив голову на закуски. Его темные волосы украшали веточки петрушки, а в ухе торчал укроп.

– Нужно отсюда ехать, а то с этим сельским гостеприимством мы просто пропадем все, – опасливо пробормотала Мариша.

С огромными усилиями нам удалось растолкать Женю и пригнать его к «Ниве». Он сел в нее и тут же заснул. Мы проследили, чтобы он не вывалился из машины, и направились к дому за Прапором. К этому моменту тот был совсем плох. И передвигаться на собственных ногах уже не мог. Пришлось волоком тащить его к машине, закидывать на заднее сиденье и трамбовать, чтобы смогли влезть мы с Катькой. В конце концов мы с ней просто сели верхом на лежащего на боку и храпящего Прапора, Мариша взяла бразды правления, то есть руль, в свои руки, и мы поехали в следующую деревню, сопровождаемые прощальными криками гостеприимных селян.

Там в соседней деревне под названием Замостье нам с девчонками пришлось осматривать дом самим, так как мужики напрочь потеряли связь с окружающей их действительностью. К счастью, у нас имелась карта. А названия всех деревень, куда необходимо было заехать, хранились у Прапора в записной книжке. Так же как и имена их владельцев и их контактные телефоны. Сегодня утром Прапор созвонился с тремя хозяевами, которые заверили его, что обязательно будут показывать свои дома. К одному из них, а точнее, к хозяйке, мы и двинулись, приехав в крохотную, всего на шесть домов, деревню. Показывала домик нам милая старушка. Мы его осмотрели, но нам он не понравился – сыро да и печь нужно было перекладывать. Огород совсем зарос крапивой и лебедой. Кусты смородины за зиму основательно вымерзли. А яблони и сливы нуждались в кардинальной обрезке, так как стали совсем старыми.

Пообещав в ближайшее время перезвонить старушке, мы двинулись дальше. До следующей деревни пришлось ехать около тридцати километров. Она была побольше. И дом тут поновей, чем все виденные нами прежде. При доме имелся прекрасный сад со здоровыми плодоносящими деревьями, уже покрывшимися многочисленными завязями, обещая принести к

осени богатый урожай фруктов. Но, увы, цена дома оказалась несколько выше предельно допустимой, намеченной Прапором.

В третьей деревне – Верхний Бор – мы смотрели два подходящих дома. Да и неудивительно, деревня была довольно большой. Стояла она на берегу реки, где имелся широкий песчаный пляж, что только добавляло местности привлекательности. Лес тоже был, он темнел на противоположной стороне речки, и к нему вел пешеходный мост. На машине по нему через реку не переберешься, но пешком вполне. Кроме того, в деревне была даже библиотека, работавшая летом благодаря энтузиазму одной из жительниц деревни, добровольно взявшей на себя эту обязанность. Все жители свозили сюда прочитанные книги и через библиотекаря обменялись ими.

– Маме Прапора тут точно бы понравилось! – оглядевшись по сторонам, произнесла Катька. – И читать она любит. Да и очень живописно тут.

Мы с Маришей были полностью согласны. Место и в самом деле было замечательное. Оставалось только определиться с выбором дома. Но хозяйева одного из них должны были приехать только к вечеру. А во втором доме хозяйкой оказалась довольно молодая и разбитная девица, которая представилась нам Любой. Несмотря на жару, она встретила нас ярко накрашенная, при полном вечернем макияже. Ее полное тело с могучим бюстом туго облегал черная маечка-стрейч, позволяющая лицезреть все прелести красотишки, так как лифчика она не носила. Бедра туго облегал короткая юбка. Волосы молодка безжалостно вытравила в белый цвет, и на них сидела хорошенькая соломенная шляпка. Но при этом от нее веяло такой первозданной сексуальностью, что ей можно было простить и нелепый макияж, и безвкусный выбор одежды, и даже ее манеру хохотать так, что с близких деревьев тучами слетали испуганные птицы.

– Идемте, идемте, – заманивала Люба нас в дом. – Этот дом мой муж построил. А после развода он мне отошел. Муж себе квартиру в городе оставил, а мне эту фазенду в глухомани выделил. А зачем мне дом в деревне? Я всю жизнь в городе прожила. Вот и хочу продать. А то время пройдет, дом ветшать начнет. Кто у меня его тогда купит? И опять же в дом всегда средства вкладывать нужно. Хоть тут все и добротнo сделано, но то одно, то другое всегда подправлять приходится. Ну, вы сами понимаете. А кто это все будет делать? Не я же! А живые деньги всегда пригодятся. Вот смотрите, – переключилась она на новую тему. – Тут и туалет в доме Виктор сделал. И душ. Только воду для душа насос в дом не подает. Потому что сначала у нас только баня была. А душ Виктор позднее по моей просьбе поставил. И к разводке с водопроводными трубами его еще не подсоединил. Так что в первое время для душа воду в этот резервуар заливать придется. А для полива у нас насос есть. Его я тоже вам оставлю.

Мы обошли весь дом и не смогли найти в нем ни одного изъяна. Цена прекрасно соответствовала качеству. Дом был не очень большой, но новый. Снаружи он был обит вагонкой, выкрашенной в приятный для глаза абрикосовый цвет. Всего три комнаты на первом этаже, правда, обставленные добротной мебелью. Гостиная с печью и две спальни с довольно удобными кроватями. Тут же, на первом этаже, была кухня с газовой плитой и холодильником. А также прихожая и летняя веранда, на которой приятно летним жарким деньком попить чаю, сидя под тенью от побегов мощного плюща, обвившего опоры веранды. На втором этаже располагалась мансарда, в которой тоже были две комнаты, но без мебели.

– Всю мебель, которая тут стоит, я вам оставлю, – трещала Люба. – Она включена в стоимость дома. Только холодильник заберу. А остальное перевозить – так дороже выйдет. За перевозки нынче такие деньги дерут! А мебель хорошая, ее мой муж сам делал. А руки у него золотые. Сами видите! Такую мебель делает, что на века хватит.

– А почему вы тогда с ним развелись? – спросила у нее Мариша. – Если он такой хороший работник, что же вы его бросили?

– Я его и не бросала, – печально вздохнула Люба, обдав нас запахом молодого чеснока с собственных грядок. – Там такая история приключилась...

И из ее пышной груди вырвался второй вздох, еще более могучий, чем первый.

– В общем, к моему Виктору первая жена вернулась, – произнесла Люба. – И мне в его доме места в одну минуту не стало.

– И он ее принял? – удивились мы. – После того, как она с другим была?

– Нет, – поморщилась Люба, – там гораздо интересней вышло. Если рассказывать, так прямо целый сериал получается.

– Как это? – невольно заинтересовались мы.

– Если хотите, садитесь, – кивнула нам Люба, указывая на большой диван, стоящий в гостиной. – Расскажу вам, коли интересно.

Рассказ Любки и в самом деле потряс нас. Уж какие удивительные истории нам доводилось слышать, а эта превосходила все прежние. Муж Любы был старше ее почти на пятнадцать лет. Сама Люба ни за что не пошла бы за такого старика, как она считала. Но мать Любки надавила на нее своим авторитетом. И, выпоров свою почти двадцатилетнюю дочурку, выдала ее все же замуж за приглянувшегося лично ей положительного мужчину. С тех пор прошло чуть меньше десяти лет. И ни разу за все время своей супружеской жизни Любка не могла упрекнуть мать за подсказку. Муж и в самом деле оказался очень хорошим человеком. Не пил, хорошо зарабатывал и иногда позволял молодой жене проводить время с подружками, даже выделяя для этого деньги. Сам он много работал и шумных дискотек не любил. К тому же он вскоре после свадьбы открыл собственное дело, обучая молодых ребят столярному ремеслу, а потом приобщая их к работе. А через некоторое время на его мебельном производстве трудилась уже сотня с лишним работников.

Единственно, что он строго требовал от молодой жены, чтобы к его приходу в доме было безупречно чисто, сварен обед из трех блюд и чтобы летом Люба соглашалась ездить с ним каждые выходные в деревню, где муж на месте развалившегося дома своих родителей собственными руками в качестве развлечения строил новый дом. Детей у супругов не было. Любка несколько раз заводила разговор об этом, но муж каждый раз мрачнел и отказывался продолжать разговор. Любка прошла обследование и выяснила, что с ней все в полном порядке.

– Теперь ты должен сходить! – заявила молодая супруга мужу. – Сейчас есть масса способов, чтобы завести ребенка искусственным путем.

В ответ муж в первый раз за всю их супружескую жизнь повысил голос на жену, твердо приказав ей под угрозой развода никогда больше не заводить разговоров о детях.

– У нас с тобой детей не будет! – твердо заявил он Любке. – Если тебе нужны дети, уходи к другому!

Любка струхнула. Собственно говоря, уходить ей не хотелось. И зачем уходить? Сытая и беззаботная замужняя жизнь с Виктором ей была по вкусу. И она решила, что со временем переубедит мужа и отведет его к врачу. Время шло. Любка по-прежнему приставала к мужу, который уже не орал, а только отмалчивался. И Любке стало казаться, что муж вроде бы стал оттаивать душой. Во всяком случае, несколько раз он задал пару наводящих вопросов относительно того, какие болезни могут передаваться по наследству. И всегда ли они передаются.

После этих расспросов Люба призадумалась. Что там за хворь такая беспокоила ее здоровья-мужа, что он опасался заводить детей? Но спросить ей было решительно не у кого. Оба родителя мужа умерли давно. Люба их совсем не знала. А родственники мужа были людьми угрюмыми. Несмотря на довольно долгую совместную жизнь с Виктором, веселая и в глубине души легкомысленная Любка так ни с кем из его родни и не сдружилась. На все ее наводящие вопросы они просто отмалчивались. К приятелям своего мужа Люба с подобного рода вопросами приставать стеснялась, да и не стал бы Виктор делиться с ними своими проблемами. А

близких друзей у него не было. Характер у всех Плаховых был нелюдимый. Так бы Люба и гадала, как вдруг случилось событие, перевернувшее всю ее жизнь.

Однажды утром ничего не подозревающая Любка отправилась открывать на звонок входную дверь в их городской квартире. В глазок она не взглянула, так как муж недавно вышел за сигаретами, и она подумала, что это он вернулся. Открыв, она с изумлением обнаружила на пороге вместо мужа незнакомую ей довольно худую и высокую женщину с огромными светло-голубыми глазами и бледным лицом. Незнакомка молча шагнула мимо опешившей Любки и вдруг упала. Люба захлопотала возле нее. Незнакомка не показалась ей опасной. Одетая она была в добротное пальто, сапоги у нее тоже были новые итальянские, а во всем облике чувствовался определенный шарм. Пытаясь привести незнакомую женщину в чувство, Люба услышала шаги возвращающегося мужа. Тот вошел, увидел женщину и окаменел.

– Люба! – закричал он.

Но, к изумлению Любки, кинулся муж вовсе не к ней, а в объятия очнувшейся от его голоса незнакомки. Затем последовали слезы и заверения во взаимной любви. Очумевшая Любка молча стояла в стороне, не зная, как реагировать на случившееся. Эти двое совершенно не обращали на нее внимания. Но больше всего потрясло Любку даже не это, а то, как в одну минуту изменился ее муж. От его обычной хмурости не осталось и следа. Можно сказать, что Любка впервые видела его счастливым.

С трудом, но все же до Любки дошло, что эта бледная женщина с огромными голубыми глазами и длинными светлыми волосами является первой женой ее мужа. Звали ее тоже Любой, правда, несколько на иной лад. Полное ее имя было – Любима. И из жизни Виктора, но, как оказалось, не из его сердца, она пропала около двадцати лет назад.

– А где она была все это время? – перебила рассказ Мариша.

– Тут-то и начинается самое интересное, – вздохнула Любка. – Оказывается, в ранней юности у моего мужа от этой Любимы был ребенок. Мальчик. Он родился слабым и часто болел. А когда подрос, стало ясно, что у него еще и какие-то проблемы с опорно-двигательным аппаратом. В общем, намучились родители с ним ужасно. Перепробовали разные лечения, возили мальчишку на курорт. И вот на одном из курортов, в Евпатории, и случилось это несчастье. Сначала исчез мальчик. Любима выслала своему мужу телеграмму, что обратилась в милицию и начато расследование. А потом буквально следом за сыном исчезла и сама.

– И давно это было?

– Говорю же, она исчезла почти двадцать лет назад, – объяснила нам Любка. – И, оказывается, Виктор долго разыскивал ее. Но розыски ни к чему не привели. Ни женщина, ни ребенок так и не нашлись. Мой муж очень горевал, но со временем его горечь несколько утихла. И он женился на мне. Я же ничего не знала о его прошлом браке. Все словно воды в рот набрали! И можете себе представить, как он мне объяснил, решительным фактором, что он на мне женился, послужила даже не моя молодость, а то, что меня тоже звали Любой. Кстати говоря, это муж настоял, чтобы я перекрасила свои волосы в белый цвет. Видимо, он желал, чтобы я как можно больше походила на его пропавшую жену. Только не вышло! У меня фигура совсем другая.

– Он так сильно ее любил?

– Угу, – мрачно кивнула Любка. – Так сильно, что, когда она заявила к нему спустя двадцать лет после своего внезапного исчезновения, он ее не только принял, но развелся со мной и снова женился на ней, несмотря на то, что ее в свое время признали без вести пропавшей.

– А где же она была все эти годы? – покачала я головой.

– Она говорит, что жила в Крыму. Оказывается, она потеряла память и поэтому не могла вернуться к обожаемому мужу. После исчезновения ребенка она чуть с ума не сошла от горя. Искала его всюду, бродила по окрестностям Евпатории. Где-то там ее и сбила машина. А после этого она ничего не помнит. После того как она окрепла, ей рассказывали, что ее в степи подо-

брали люди, доставили в больницу, где она провалялась очень долго с горячкой. Очнувшись, она обнаружила, что никаких документов у нее при себе нет и что она ничего о своем прошлом не помнит. И все эти годы жила в том местечке, где и очнулась. Вроде бы даже закончила медицинское училище, работала медсестрой в клинике, потом ее повысили, сделали старшей сестрой. Но не важно. Главное, что в конце концов она очухалась, память к ней вернулась, и Любима явилась к Виктору.

– И что, все эти годы она ничего не помнила о своем прошлом?

– Она рассказала, что память возвращалась к ней очень редко и совсем короткими фрагментарными обрывками. Она помнила фигурку маленького мальчика, своего сына. Но что с ним случилось, она не помнила. Но эти воспоминания были для нее ужасно тягостны. И еще иногда она видела лицо Виктора. И только эти редко посещающие ее воспоминания оставляли у нее щемящее ощущение утраченного навсегда счастья.

– Какая ужасно трогательная история, – хлопнула носом чувствительная Катька.

И даже мы с Маришей растрогались.

– Да уж, – в очередной раз вздохнула Любка. – Трогательно, конечно, но только не для меня. Хотя вначале я тоже растрогалась. Вот ведь я какая была дура! Гнать надо было эту стерву от порога поганой метлой, а не слезы над ней лить!

– Почему? – удивилась я.

– Да потому что она играючи отняла у меня мужа! Стоило ему увидеть свою Любиму, как вся наша семейная жизнь перестала его интересовать. Вот так разом все и оборвалось. Только что у меня был дом, муж, обеспеченная жизнь и любовь мужа, пусть и не страстная, но верная. И вдруг в один миг – она перешагнула порог – и всего этого не стало. Он с нее глаз не сводил! За руку держал! Возле нее крутился, словно боялся, что она снова исчезнет. И она тоже от него не отставала. Только что пылинки с него не сдувала. В общем, они вели себя, как два влюбленных идиота. И это прямо на моих глазах! В моем, можно сказать, доме! По-моему, так они меня вообще не видели и не воспринимали.

– И что было дальше?

– А через пару дней мне такая ситуация надоела и я спросила, когда Любима собирается возвращаться к себе домой в Крым. И тут меня словно обухом по голове огрели. Мой муж так спокойно на меня посмотрел и сказал, что никуда Любима не поедет. Она его жена и останется с ним. А уйти придется мне.

– А ты что? – спросила у Любки Мариша, не заметив, как перешла с ней на «ты».

– Я? А как ты думаешь? Устроила скандал! Заявила, что уйти придется кому-то другому. А я законная жена и никуда не уйду. Говорю же, дура была! Квартира-то на мужа записана. Он меня из дома взащей вытолкнул, и все дела. А вещички мои просто за мной следом выбросил. Я покричала, да потом за мной мама приехала. Муж ей позвонил. Она у меня женщина рассудительная. Увезла меня к себе. А мужу заявила, что так поступать не годится. Ну, он в качестве отступных мне этот дом после развода и отписал.

И, немного помолчав, Люба добавила:

– Что бы там ни говорили, а я уверена, что все мужики дураки. Эта Любима – та еще штучка. Думаю, что с памятью у нее как раз все отлично. Потому что она про этот дом отлично помнила. И такой мне скандал закатила, не поверите. Я еще и потому хочу его продать, чтобы эта стерва каким-нибудь образом его обратно не отсудила.

– А она может? – насторожилась Мариша.

Нет, эта Любка в самом деле дуреха. Очень славная, но недалекая. Ну скажите, кто же рассказывает потенциальным покупателям, что у них могут возникнуть проблемы с приобретаемым имуществом? Это же ни в какие ворота не лезет.

– Да ничего она не может! – отмахнулась от нашего беспокойства Любка. – Просто зло ее берет, что не все ей под себя удалось загрести. Что дом мне достался.

– Постой, да ведь ты говорила, что дом твой муж уже при тебе строил! – сказала я. – А как же его жена о нем узнала?

– Она именно о нем и не знала, – пожала плечами Любка. – Она про участок в деревне знала. И про то, что тут раньше дом родителей моего мужа стоял. То есть он и сейчас есть, только им никто не пользуется, вот он и разваливается себе потихоньку. А о новом доме Любима узнала только после того, как Виктор его и земельный участок на меня уже переписал. Так она мне такой скандал закатила! При нем она тихоня, воды не замутит. Но вы бы слышали! Ужас! Требовала, чтобы я вернула дом и участок им. Приехала ко мне домой и заявила, что я воровка и дрянь, воспользовавшаяся ситуацией и обобравшая хорошего человека. Ну, моя мама с ней церемониться тоже особо не стала. Она у меня боевая. Выставила эту белесую дрянь. И еще кипятком ее обварить пригрозила. А сама собралась и переехала в деревню. Сказала, что пока так горячо, надо дом охранять. Да и к продаже все подготовить. Подкрасить там, огород в порядок привести. Но главное – чтобы в доме люди жили. А то, сказала, займет его эта стерва, потом не выставишь. И мама жила тут. А я объявление о продаже дала. И мы с мамой решили, что когда покупатели приедут, то я им дом показывать буду. Потому что хозяйкой по бумагам числюсь я. Чтобы лишних вопросов не возникло. Что да почему другой человек показывает, а не хозяйка.

На мой взгляд, Любка выболтала сейчас столько информации, что у любого мало-мальски осторожного человека должна была возникнуть целая туча вопросов по покупке этого дома. Они у нас и возникли.

– А с какой стати первой жене твоего мужа требовать назад этот дом? – спросила Мариша, пока мы с Катькой только обмозговывали ситуацию.

– Да нет, по суду она его требовать назад, конечно, не может, – покачала головой Любка. – Я и к юристу ходила. И мама справки у знающих людей наводила. Не может ни она, ни мой бывший муж назад требовать, что мне подарено было. Это теперь полностью мое имущество. Мой муж документы к дарению еще до нашего развода готовить начал. А после развода и дом этот, и землю, на которой он стоит, мне подарил. Вроде как раздел имущества. Дом ведь был им построен, когда мы в браке состояли. Так что я на него тоже право имею. И юрист сказал, что все у меня бумаги подлинные. И все оформлено правильно. Только этой стерве все мало. И ведь городская квартира ей обратно со всей обстановкой досталась. Сама-то она в своем Крыму за двадцать лет ничего не заработала. Из милости у каких-то людей жила. И мужа опять же вернула. А он в месяц тысяч по двадцать в дом приносит. А уж сколько на самом деле зарабатывает, этого и его налоговый инспектор не знает. А все потому, что руки у Виктора золотые и голова работает. И не пьет он почти. У него на сберегательной книжке почти триста тысяч рублей лежит. Я знаю, видела. И это только в рублях! А еще у него в евро вклад есть. И доллары он в тайнике хранит, я знаю. И золото покупал. И всегда мне говорил, что нельзя все яйца в одной корзине держать. Мало ли что с долларом случится, тогда рубли и евро сохранятся. А если все валюты обвалятся, то золото и недвижимость никто не отменял. Вот так, все эти накопления теперь кому достанутся? То-то и оно, что ей. А мне только этот дом. Да и то вон оттяпать его норовит.

– Бывают же такие люди! – возмутилась Катька. – Столько получила, и все ей мало!

– И не говори! – всхлипнула Любка, которой что-то стало очень себя жалко. – Вот продам вам этот дом и уеду куда-нибудь. Всегда мечтала мир посмотреть. А пока замужем была, муж меня никуда не отпускал. Видимо, боялся, что я, как и его первая жена, исчезну. Только иначе все вышло. Не я исчезла, а она нам на голову свалилась.

Как могли, мы утешили Любку. И все вместе отправились будить Прапора и Женьку, чтобы они тоже взглянули на дом. Мужики уже проспались и, умывшись у колодца ледяной водой, выглядели вполне свежими и отдохнувшими. Прапор при виде пышных прелестей Любки тут же сделал боевую стойку, за что и получил по затылку от бдительной Катьки.

– Дом мне нравится! – наконец решил он, придирчиво осмотрев каждый уголок.

Мы только фыркнули. Еще бы он ему не понравился. После тех старых хибар, которые мы сегодня повидали, это был не дом, а подарок! Тут пахло свежим деревом, лаком и немножко краской. Но все запахи были приятные. А из окон открывался замечательный вид на реку, берег с круглыми кустами ив, трех мирно пасущихся коров и шумевший за ними лес. Кроме того, огород и сад были в полном порядке. Видимо, Любкина мама, которая жила тут до недавнего времени, действительно не пожалела сил и времени, чтобы поддерживать их в ухоженном виде.

На грядках бодро торчали лук и морковь, нежно зеленел салат. В теплице уже наливались первые огурчики, а на грядках лежали молоденькие кабачки, так и просыпавшиеся, чтобы их поджарили и съели с мелко порубленным укропом с грядки и молодым чесночком. За домом раскинулось целое картофельное поле, обещавшее хороший урожай. А возле дверей дома раскинулся настоящий цветник, над которым жужжали пчелы. Возле цветника на песчаной площадке была установлена беседка, над которой склонялись взрослые, но еще не старые плодовые деревья.

– А вон там был старый дом, о котором я вам говорила, – сказала Любка, указывая рукой вниз, где в низинке и в самом деле стоял старый, покосившийся на один бок дом. – Видите? Муж сказал, что его даже сносить не придется. Сам постепенно развалится. Старый уж больно. Его еще задолго до революции предки моего мужа поставили. По тем временам дом был хороший, но уж сколько лет прошло. Но у мужа рука на него не поднялась, чтобы снести. А вы можете. И на дрова используете. Муж говорил, что предки его крепкое хозяйство имели. Не пили, не ленились, поэтому и свою копейку имели. И вообще никакой работой не брезговали. Дети тоже при работе были. Кто дома, а кто в барской усадьбе трудился.

– Тут еще и старинная усадьба есть поблизости? – восхитилась я.

– Самой усадьбы давно нет, – покачала головой Катька. – Пожгли ее после революции. То ли сами хозяйева, чтобы большевикам не досталось, – то ли те сожгли, я не интересовалась. Но развалины остались. Если хотите, я вам их покажу, – не слишком охотно предложила нам Любка и, как бы отдавая дань истине, добавила: – Там красивое место. Излучина реки. Только мрачно очень. Так и кажется, что сейчас от развалин духи прежних хозяев прилетят и за собой утащат. Кстати, местные болтают, что там на развалинах видели призрака.

– Б-р-р! – вздрогнула Катька. – Зачем ты нас пугаешь? У меня прямо мороз по коже пробежал!

Но Любка в ответ только весело расхохоталась.

– Лично я ни в какие привидения не верю и знаю только одно, что там рыба отлично ловится, – сказала она.

Упоминание о рыбе вызвало у наших мужчин значительно больший интерес, чем развалины какой-то усадьбы с привидениями. Прапор тут же принялся вспоминать, прихватил ли он с собой спиннинг. И где бы можно было накопать червей для наживки. Любка вызвалась сопровождать нас на прогулку к реке. Видно было, что она в деревне и в самом деле скучает. Она быстро собрала с собой еды, положила в переносную сумку-холодильник несколько бутылок местного пива и кваса и предложила нам переодеться в купальники, чтобы мы могли искупаться.

День уже клонился к вечеру. Но все равно было еще очень жарко, так что мы дружно потопали переодеваться, радуясь при мысли о скором купании. Дорога до старой барской усадьбы сохранилась еще с прежних времен. Когда-то она была выложена битым камнем. И сейчас хоть и поросла травой, все еще была хорошо заметна. Мы прошли вдоль реки, поражаясь красоте природы и почти полному отсутствию комаров. У реки гулял ветерок, который сдувал противных насекомых к лесу.

– К усадьбе направо, а на реку, на пляж, – налево, – сказала Любка, останавливаясь у развилки.

И в самом деле направо уходила заросшая, но когда-то широкая, выложенная камнем дорога. А налево – узкая тропка, явно протоптанная местными любителями рыбалки.

– Конечно, пойдём на реку! – дружно решили мы и двинулись налево.

У реки мы разделились. Мужики, наспех окунувшись в воду, отправились с удочками к корягам, с которых, как сказала Любка, удить было лучше всего. Потому что там рыба прикормлена. И охотно делает поклевки в привычном месте.

– Тут водится крупный окунь и плотва, – сказала Любка им на прощание. – А если взять лодку, то дальше по реке есть запруда, а в ней ямы, где ловят и сомов. Щуку деревенские рыбаки тоже берут.

Услышав про сома, Прапор даже застонал. Поймать эту рыбу было его давнишней мечтой. Так что мы почти не сомневались, что Прапор купит этот дом, возле которого водятся сомы. А мы под предводительством Любки прошли по берегу реки в противоположную сторону. И вскоре вышли к небольшому пляжу с узкой полоской песка. Тут никого не было, видимо, жители деревни предпочитали более близкий к деревне пляж. Вода в реке была холодной. Так что у нас даже свело ноги. Но мы все равно искупались. А потом развалились на траве и, потягивая пиво, принялись болтать.

Глава 2

Очнулись мы от криков наших мужчин.

– Ой, как поздно! – вскочила на ноги Катька. – Солнце совсем село. И есть хочется.

Но насчет этого мы не беспокоились. Наши рыбаки наудили достаточно рыбы, чтобы хватило для ужина и еще осталось бы про запас.

– А у нас возле дома есть коптильня! – обрадовалась Любка. – Можем в ней закоптить этих окуней. Они не крупные, так что максимум через полчаса будут готовы.

И мы поспешили назад к дому, предвкушая вкус копченой рыбы. Но прежде чем нам удалось отведать рыбки, случилась одна вещь, едва не испортившая нам всем аппетит. Не успели мы разжечь мангал и водрузить туда металлический ящик коптильни с проложенными березовыми опилками и разложенной потрошеной рыбой, как возле дома затормозила машина.

– Кто-то еще приехал, – Катька первой заметила высокий потрепанный джип темно-розового цвета.

Любка выпрямилась и тоже посмотрела на гостей.

– Ой! – произнесла она, побледнев. – Это же они! И чего приперлись?!

Мы не стали уточнять, кто это они. И так все было ясно. По дорожке к дому двигался высокий, слегка грузный мужчина с крепкими крестьянскими руками и слегка угрюмым загорелым лицом. Его спутница рядом с ним казалась еще изящней и стройней, чем была на самом деле.словно породистая кобылка чистых кровей рядом с рабочим битюгом. Трудно было даже предположить, чтобы у двух таких внешне разных людей могло быть что-то общее. Однако не было никаких сомнений, к нам пожаловал бывший Любкин муж со своей новой супругой.

Честно говоря, даже Любка, несмотря на то, что она была моложе своего мужа на пятнадцать лет, подходила этому мужчине гораздо больше, чем его нынешняя спутница. Мне она сразу не понравилась. Вся такая холеная, на лице ни единой морщинки. Сколько же ей лет? Сорок? Сорок пять? Но выглядела она от силы на тридцать с хвостиком. Дольше всех сохраняют молодость и свежесть люди, не принимающие никакие неприятности близко к сердцу. Должно быть, Любима была именно из таких людей. И к тому же, несмотря на внешнюю привлекательность, у нее был холодный и надменный взгляд. А когда она окинула наши нехитрые приготовления к ужину, на лице мелькнула легкая брезгливость, едва заметная, и держалась она всего лишь мгновение. Но каким-то образом одним своим появлением эта женщина умудрилась дать нам понять, насколько примитивно и вульгарно все то, чему мы только что искренне радовались. Пойманная своими руками рыба, простенькая коптильня и нарезанная зелень с огорода были ею осмотрены, взвешены и презрительно отвергнуты.

В отличие от нее, муж Любки оглядел наши приготовления к ужину с одобрением и даже с легкой завистью. И враждебность, отразившаяся у него на лице, была совсем иного плана. Напротив, этот бы и сам не отказался посидеть вот так у мангала. Вместо нас. И его можно было понять: этот дом и все, что находилось в нем и возле него, было приобретено или сделано его собственными руками. Но мужчина взял себя в руки и, кивнув всем нам, сказал:

– Здравствуй, Люба.

Любка в ответ лишь холодно кивнула, молча продолжая сверлить взглядом мужа и его спутницу.

– Виктор, – представился нам мужчина. – Хозяин всего этого.

И он широко обвел дом, пристройки, сад и огород.

– Бывший хозяин! – резко заметила Любка. – И чего ты приперся?

– Как не стыдно! Неужели ты прогонишь меня? – усмехнулся мужчина. – Как ни крути, а мы с тобой не чужие люди.

– Мне помнится, при разводе ты говорил совсем иначе, – хмыкнула Любка. – Тогда я была тебе духовно чужда и никогда не понимала тебя и вообще никогда не устраивала, и терпел ты меня исключительно из жалости.

– Ты не больно-то нагличай! – разозлился Виктор. – Дом – мой. И земля – тоже моя. Я тебе подарил, я могу и отнять.

– А вот и нет!

– Да!

– Нет, я ходила к юристу. Он четко мне сказал: что подарено, обратной силы не имеет!

– Это дом мой! – резко произнес Виктор. – Ты к нему не имеешь никакого отношения!

– Поздно спохватился! Раньше об этом нужно было думать! – вспыхнула Любка. – И вообще, Виктор, ты у меня десять лет жизни украл, а я у тебя только дом забрала. И ты еще права свои на него качаешь! Нехорошо!

– И когда же я их у тебя украл? Когда ты за мои деньги со своими поблядушками-подружками по дискотекам скакала? Или когда целыми днями баклуши дома била? Ни обеда толком приготовить не умела, ни пол помыть. Если бы не твоя мать, давно бы тебя взащей прогнал!

– Так что же сразу не прогнал? – подбоченилась Любка.

Виктор тоже набылчился и угрюмо уставился на бывшую жену, которая явно не собиралась ему уступать. И тут неожиданно подала голос его спутница.

– Витя, – звенящим, как колокольчик, голосом, в котором слышался мягкий укор, обратилась она к мужу: – Ты же мне обещал, что не будешь волноваться!

– Волноваться! – заорала Любка, окончательно выведенная из себя этой притворяющей, которая небось сама притащила сюда мужика да еще накрутила его перед этим, а теперь изображала, что она вовсе и не хотела этого. – Волноваться! Как бы не так! И не хрен было вам сюда припираться, тогда и для волнений бы повода не нашлось! Вы что двое думаете, если я одна, то за меня и постоять некому? Да чтобы вы знали – дом уже продан!

– Что?! – дружно воскликнули Виктор и Любима, причем их лица побледнели совершенно одинаково. – Как продан? Кому?

– Вот им! – мотнула головой Любка в нашу сторону. – Они купили!

– Ты не имеешь права! – неожиданно тонко взвизгнула Любима, причем из ее глаз выплеснулась настоящая ненависть. – Девка!

– Если я девка, так ты просто старуха! – крикнула Любка. – И убирайтесь отсюда!

– Да, – неожиданно подал голос Прапор. – Правда, дом я уже сторговал. И задаток внес. Так что извините, но вас тут видеть мы не хотим.

– И кто же меня выставит с моей же земли? – подбоченился Виктор.

– Мы, – шагнул к Прапору Женька.

А Женька, чтобы кто знал, только в спокойном состоянии кажется увальнем и лентяем. Если его хорошенько разозлить, кулаки у него сжимаются, напоминая пудовые гири. А тело, казавшееся безвольным минуту назад, превращается в отличную боевую машину, действующую наподобие тарана. Прапор же и в мирном настроении производил впечатление человека бешеного. Хотя на самом деле был мягок, словно котенок. Но насупленные брови и горящие из-под них темные глаза в сочетании с широкими плечами и высоким ростом кого угодно введут в заблуждение. А после целого дня, проведенного на солнце, рожа у Прапора покраснела, как свекла.

Во всяком случае, Виктор, трезво оценив свои шансы, что ему не выстоять против двух более молодых и разгоряченных соперников, благоразумно решил немного отступить.

– Ребята, – произнес он уже гораздо более мирным тоном, – нам нужно кое-что обсудить. Этот дом я выстроил своими руками. Вот этими самыми руками!

И он потряс мозолистыми руками рабочего человека с зажившими на них следами от старых производственных травм.

– Зачем же вы его, в таком случае, бывшей жене подарили? – подала голос Мариша.

– Помрачение на меня нашло! Она все кричала: либо квартиру давай, либо дом! Вот я тогда и подумал: дом я для двоих строил. Будет, пожалуй, справедливо, если я ей его оставлю.

– Так в чем же дело? – насупилась Катька. – Вы и оставили. Что же теперь спохватились?

– Говорю же, как помрачение это мое прошло, я за голову-то и схватился! – ответил Виктор. – Ё-моё, думаю, что же я наделал! Да я любой себе дом купить могу. Только они мне и даром не нужны. А это же мой дом, я сам его строил, никому ни гвоздика не доверил вбить. Не потому, что денег не имел мастеров нанять. А хотелось все самому сделать! Тут же земля моих предков, тут вся моя родня по округе разбросана. Вы поймите, тянет меня сюда! Почти три месяца с собой боролся, а теперь чувствую – все! Не могу больше. Верни ты мне, Любка, дом. А я тебе деньгами за него выплачу!

Любка, казалось, заколебалась. Но тут же нахмурилась и произнесла:

– Ты сам сказал, что дом для нас с тобой строил. А теперь, что же это выходит, ты в нем со своей старой шваброй жить станешь? Так? Нет уж! Фигушки! Продан дом!

– Ты не бурей! – снова завелся Виктор. – Не бурей! Я тебе хорошие деньги за него дам.

Но тут снова вмешался Прапор, испугавшийся, что приглянувшийся ему дом рядом с речкой, рыбалкой и прочими удовольствиями уплывет у него из-под носа. А ведь он даже еще не успел поймать ни одного сома!

– В самом деле, раньше нужно было думать! – сурово сказал он Виктору. – А теперь поздно. Дом я уже купил. Обратного хода сделка не имеет.

Виктор явно расстроился. Что чувствовала его Любима, сказать было трудно. На ее бледное лицо так и не вернулись краски. Оно было белым, словно простыня. Я даже удивилась, эта женщина вовсе не показала мне способной соперничать своему мужу с его крестьянской закваской в его упорном стремлении вернуть себе свою собственность. Дело тут явно было в чем-то другом. А если Виктор может, как он говорит, купить себе другой дом и получше, то к чему все эти страсти? Итак, Любиме нужен был именно этот дом. Но почему – он? Этого я понять никак не могла.

– Милый, ты не должен так волноваться! – произнесла Любима. – У тебя давление подскочит.

– Хорошо, – послушно отозвался Виктор. – Не буду, ты, как всегда, права, милая.

После этого он повернулся к своей бывшей жене и спросил:

– Но хоть переночевать ты нам разрешишь?

Судя по Любкиному лицу, ей страшно хотелось дать этой паре неприятных людей от ворот поворот. Но ответить на вежливую просьбу хамским отказом она не смогла. И через силу, но все же кивнула в знак согласия. Виктор слегка повеселел. И, пробурчав:

– И на том спасибо! – двинулся в сторону дома.

Любима двинулась за ним, грациозно переступая длинными ногами в туфлях на шпильках и изо всех сил стараясь не испачкать свой светлый шелковый брючный костюм ни о рыбы потроха, выброшенные кем-то прямо на землю, ни о груды еще нечищенной картошки, которая лежала на столе.

– Мы поселимся в северной спальне! – сообщил Любке Виктор.

– И не думайте! – фыркнула Любка. – Внизу все комнаты заняты моими гостями. Раз вы уж навязались на нашу голову, ступайте себе наверх.

– Но там нет мебели! – возмутился Виктор.

– Не хотите спать на полу, можете вообще проваливать! – последовал ответ. – Скатертью дорога. Никто плакать не станет.

– Мы поспим на полу, – быстро произнесла Любима, тронув своего снова наливающегося злостью мужа за локоть. – Это очень полезно для твоего позвоночника.

Мы с Маришей недоуменно переглянулись. Однако какая заботливость! Неужели эта стройная изысканная дамочка в самом деле влюблена в этого мужлана? Да что у них может быть общего в конце-то концов?

– Он явно в нее по уши влюблен! – шепнула нам Катя.

Забравшись наверх, Виктор не торопился спускаться, о чем-то шушукаясь там со своей кралей. Любка же вышагивала вниз, грозно хмуря брови и явно матерясь про себя.

– Может быть, попросить Прапора с Женькой, чтобы они все-таки выставили отсюда эту парочку? – предложила ей Катка.

Но Любка в ответ помотала головой.

– Поздно, – сказала она. – Иначе что же это получится? Сама Виктора укоряла, а потом вроде него решения, как перчатки, менять стану? Нет, раньше мне нужно было думать. А теперь уж придется терпеть. Но ничего, с утра пораньше я скажу, чтобы они уматывали. И вы меня поддержите, хорошо?

Мы дружно кивнули. Еще бы не поддержать! Да такое соседство было прямой угрозой для наметившейся сделки между Прапором и Любкой. Однако дальше все пошло мирно. Виктор со своей супругой привезли с собой целый багажник вкусностей и выпивки. У нас тоже было замариновано мясо для шашлыков. После того как рыбка закоптилась, мы выложили ее на блюдо и водрузили на вытасченный в сад и уже накрытый стол. Тут было прохладно и очень приятно. Вскоре все расселись вокруг него. И если вначале в воздухе витало неприязненное отчуждение, то после пары выпитых рюмок все оживились, хотя вряд ли в глубине души стали лучше относиться друг к другу.

Прапор кидал опасливые взгляды на Виктора, явно прикидывая, насколько велики шансы удержать за собой приглянувшийся дом. Любка сверлила мрачным взглядом свою соперницу, а та смотрела по сторонам с отсутствующим видом, так что по ней ничего невозможно было понять. Принявший на грудь Виктор начал просить прощения у своей бывшей жены, заверяя, что найдет ей отличного парня в женихи. Любка досадливо морщилась, но потом слегка оттаяла. Теперь наступил черед Любимы затрепетать от гнева. Один Женька лопал за троих и явно чувствовал себя превосходно. Несмотря на напряженность, мы с удовольствием прикончили изумительно нежную и вкусную копченую рыбку, потом сжевали все шашлыки и сами не заметили, как наступила ночь, а бутылок спиртного на столе существенно убавилось.

– Спать охота! – зевнув, сонно пробормотал Женька. – А это все, – и он махнул рукой на остатки застолья, – завтра с утра уберем.

Мы не спорили. День закончился, и мы неожиданно поняли, как сильно он утомил нас. Только Любка выразила желание немного прибрать стол. Впрочем, мыть посуду она тоже не отважилась, а ограничилась тем, что просто сбросила все объедки в компостную кучу и собрала грязные тарелки в тазик, залив их водой с моющим средством. Виктор к этому времени уже храпел в мансарде. Любима, судя по тому, что ее нигде не было видно, тоже находилась там. Пожелав друг другу спокойной ночи, мы разошлись по комнатам. Прапор и Катка отправились в ту самую северную спальню, которую хотел занять Виктор. Мы с Маришей заняли вторую спальню, а Женя рухнул на диван в гостиной, заметив, что устроился лучше всех.

Любка выбрала себе для сна довольно странное место – веранду, заявив, что не привыкла спать в духоте, там ее всегда мучают кошмары.

Сначала я думала, что от усталости моментально усну. Но не тут-то было. Проворочавшись без сна добрых два часа, я поняла, что в словах Любки был резон. Остальные, немного побродив, вроде бы тоже уснули. А мне все не спалось. Виктор, руководствуясь непонятными причинами, поставил во всем доме окна без форточек. Да что там без форточек – окна тоже не открывались. Должно быть, вентиляция дома, по мысли строителя, должна была осуществляться исключительно за счет открытых дверей. Но согласитесь, довольно странно спать ночью, пусть даже и в деревне, с открытой дверью. На улице пошел дождь, но дышать легче не стало.

Я покосилась на Маришу, но она, похоже, преспокойно дрыхла, не ощущая никакого дискомфорта от духоты. Я невольно ей позавидовала. Конечно, своими мощными легкими небось выцедила из воздуха весь кислород. А мне оставила одну углекислоту. Какой эгоизм, а еще подруга называется. Я возмущенно попытала, подмяв под себя подушку и попытавшись подложить ее к лицу прохладной стороной. И тут неожиданно до моего слуха донесся какой-то шорох, словно кто-то крался по дому, стараясь ступать как можно тише. Но тут человек кашлянул, и стало ясно, что это мужчина.

– Кому бы это там шляться? – пробормотала я себе под нос.

Женька дрых в соседней комнате, и его храп был мне отчетливо слышен. Так что это был не он. Прапор или Виктор? Я прислушалась еще немного. Шаги вроде бы стихли, но мне отчего-то стало не по себе. Я осторожно встала и выглянула в гостиную. Женька развалился на диване. Дверь в соседнюю спальню приоткрылась, и были видны спокойно спящие Прапор и Катька. Причем от Прапора исходил такой сильный запах перегара, что мне почудилось, что у меня мутится в голове.

– Если Катьке и положено терпеть такое соседство, то я какого черта мучаюсь? – прошипела я и двинулась на веранду.

Насколько я помнила, стоящая там тахта была такой широкой, что на ней вполне нашлось место еще для пары особ вроде меня. Но стоило мне двинуться, как Катька подняла голову от подушки.

– Ты куда? – хрипловатым голосом спросила она у меня.

– На воздух.

– Я с тобой! – моментально вызвалась Катька. – От Володьки такое амбре, что я чуть не окочурилась.

«Надо же! – подумала я про себя. – А ведь только что лежала и изображала на лице полнейшее счастье и умиротворение».

Мы пересекли гостиную, не потревожив Женьку. Прошли через кухню и очутились на веранде.

– Любка! – позвала я. – Мы к тебе. В доме страшно жарко. А у тебя свежо. Пустишь?

Любка молчала.

– Вот дрыхнет! – восхитилась Катька. – Понятное дело, тут хоть дышать можно!

И в самом деле на веранде было гораздо прохладней, чем в доме. К тому же за окнами в этот момент начался дождь. Правда, форточек на веранде тоже не было, но неплотно пригнанные стекла позволяли проходить снаружи свежему воздуху.

– Любка! – окликнула Катюха нашу хозяйку. – Подвинься чуток. Мы рядом с тобой полежим.

Любка снова не отреагировала. И хотя на веранде, когда мы пришли, было тепло, она спала, накрывшись одеялом с головой, а для верности, похоже, свою голову прикрыла еще и подушкой.

– Вот и стоит выбираться на воздух, чтобы потом спать, укутавшись до макушки, – произнесла Катя и потрясла Любку. – Ой!

Сооружение у нее под рукой развалилось. И мы с удивлением обнаружили, что на тахте никого нет. То, что на первый взгляд казалось телом спящей Любки, на самом деле было несколькими подушками, уложенными в ряд и накрытыми одеялом.

– Куда же она делась? – изумилась Катька.

Я припомнила чьи-то шаги в доме и слышанное мной недавно в кухне мужское покашливание, и у меня зародились определенные подозрения. Спуститься с мансарды можно было двумя путями. Через кухню и снаружи дома, где по стене дома поднималась прочная лестница. Если это Виктор покашливал в кухне, значит, он зачем-то спускался с мансарды. А учитывая, что Любка куда-то исчезла, то возможно, что он зашел к ней и они ушли вместе.

– Им есть о чем поговорить, – заметила Катька, когда я изложила ей свои соображения. – Пусть потолкуют, – добавила она, присаживаясь на тахту.

Но мне в отличие от нее спать расхотелось совершенно. Напротив, я ощущала какую-то холодную дрожь во всем теле. Верный признак того, что вокруг происходит что-то не слишком благополучное.

– Что вы тут делаете? – раздался голос Мариши.

Мы обернулись и увидели, что она стоит в дверях в длинной ночной рубашке и сонно щурится.

– Чего не спите? – спросила она.

– Вот Любка куда-то делась, – растерянно произнесла Катя, глядя за окно. – Там дождь идет, а ее нету.

– А вам что за дело? – недовольно спросила Мариша. – Это ее дом. Куда хочет, туда и идет.

В этом был определенный резон. Но мы почему-то не могли успокоиться. И теперь уже втроем уселись в ряд на тахту и принялись переживать. Короткий летний дождь прекратился так же быстро, как и начался.

– Как бы он ее не поколотил, – вздохнула наконец Мариша, и мы без слов поняли, что она имеет в виду Виктора и нашу Любку. – Настроены-то они оба по-боевому.

– Верно, – кивнула я.

– Но под конец застолья они вроде бы помирились, – заметила Катя.

И это тоже было верно.

– Пошли, – неожиданно велела нам Мариша. – Как помирились, так могли и снова сцепиться. Пошли, и если вдруг услышим крики, то вмешаемся. Не хочется, чтобы они передрались между собой. И так...

Она не договорила, но в этом не было нужды. Напряженность так и витала в воздухе с того момента, как порог этого дома переступили Виктор со своей новой супругой. Мы все ее чувствовали и понимали причину без дополнительных объяснений. Вернувшись в дом, мы накинули сверху пижам куртки, вышли на улицу и прислушались.

– Вроде бы ничего подозрительного, – произнесла Катька и осеклась. Потому что именно в этот момент неподалеку от нас страшно завывала соседская собака.

– Вот проклятая животина! – выругалась Мариша. – Нашла время концерты устраивать! И так нервы ни к черту, а она еще и воет.

Мы прислушались еще раз, но ничего не услышали. Вернувшись в дом, мы уселись с твердым намерением дожидаться возвращения Любки. Но время шло, а она не появлялась. Впрочем, Виктор тоже не возвращался, хотя он мог подняться по наружной лестнице и мы бы его просто не заметили. Но вот Любка? Где она пропадала? Несколько раз мы выходили из дома. И, вооружившись фонариком, бродили вокруг него. Но Любка словно сквозь землю провалилась. Это было очень и очень странно. Ей давно пора было бы вернуться. Тем более что снова начал накрапывать дождик. Ну что она могла делать в такую погоду на улице – да еще ночью? Ломая голову в поисках ответа, мы все трое забрались на тахту и в конце концов задремали. Но вскоре встрепенулись, заслышав, как возле дома хрустнул сучок.

– Любка! Это ты? – высунувшись за дверь, спросила в темноту Катя.

Но человеческая тень, которая стояла у забора, неожиданно метнулась прочь. Пожав плечами, мы переглянулись и вернулись на веранду, где наконец заснули. Проснулись мы оттого, что мимо нас промаршировал Женька, которого мучил «сушняк» после вчерашних возлияний. В доме воды, по его словам, уже не осталось. И страдалец был вынужден отправиться во двор к колодцу.

– Уже светает, – наконец заметила Мариша. – А Любки все нет. Не нравится мне все это. Напившийся Женька оглядывался по сторонам и зевал.

– Вы чего не спите? – спросил он у нас.

– Любка пропала, – удрученно произнесла Катя.

– Как пропала? – удивился Женька.

– Ушла, – ответила я. – Всю ночь ее ждали, а она не вернулась.

– Это плохо! – мигом озаботился Женя. – У кого же Прапор дом покупать станет, если его хозяйка исчезнет? Надо ее найти! Когда, говорите, она пропала?

Мы с подругами начали прикидывать, и получилось, что уже очень давно.

– И что, все это время ничего слышно не было? – спросил Женька.

– Почему не было? – удивилась Катька. – Собака выла.

Женя бросил на нее странный взгляд и повторил:

– Надо найти Любку.

С этим похвальным намерением мы в очередной раз обошли дом, выкликая Любкино имя. Уже было достаточно светло. Но возле дома мы так никого и не нашли, только промочили ноги в росе до самых коленей. Мариша отошла чуть дальше от дома и вдруг исчезла в густой высокой траве, которая покрывала живописный пригорок.

– Ай! – раздался ее приглушенный крик. – Помогите!

Мы кинулись туда и едва не угодили в какую-то яму, выкопанную тут уже давно, потому что трава возле нее успела густо разрастись.

– Что это такое? – недовольно поинтересовалась изрядно перепачкавшаяся в земле Мариша, разглядывая у себя под ногами старую траву и перегнившие сорняки. – Куда я свалилась?

– Это заброшенная компостная яма, – хихикая, просветила ее знакомая с деревенским бытом Катька. – Сюда складывают...

– Ладно, ладно! – перебила ее Мариша. – Без тебя знаю. Умная больно. Ну что вы стоите как остолопы? Вытащит меня отсюда кто-нибудь или нет?

Пересмеиваясь, мы помогли ей выбраться, отряхнули от налипшей земли и снова огляделись по сторонам.

– Нужно разойтись и обыскать весь сад, – предложил Женька.

– Глупо, – пожалала плечами Катька. – Мы достаточно громко звали Любку. Если бы она была в саду, то отозвалась бы.

– Все равно, – настойчиво повторил Женька. – Вдруг она свалилась еще в какую-нибудь яму и лежит там без сознания.

Мы не стали спорить с мужчиной. Хоть каждая из нас и подумала про себя, что вряд ли Любка, прожившая в этом месте несколько лет, так плохо здесь ориентировалась, что угодила бы в яму. Разве что...

– Она ведь была сильно пьяна, – добавил Женька. – Как и все мы. Лично я вчера здорово набрался.

С этим утверждением трудно было спорить. К примеру, мы даже и не пытались. И пошлепали по мокрой траве по саду, оставляя в серебряной росе цепочки темных следов. Мы с Катькой выбрали для своих поисков фруктовый сад. Изрядно искололись и исцарапались, так как среди фруктовых деревьев тут буйно разросся какой-то сорт крыжовника со страшно колючими ветками, но никого не нашли. Мариша обыскивала пристройки к дому, а Женька решил обойти ту часть участка, которая пребывала, так сказать, в виде, близком к первозданному. То есть заросла травой, полевыми цветами и даже кустарником.

Участок возле дома был настолько велик, что от заброшенного и оставленного на дрова старого дома родителей Виктора до нового дома шла целая поляна, по которой и бродил сейчас Женька. Мы с Катькой отказались от мысли найти Любку во фруктовом саду и присоединились к Женьке, который к этому времени стоял возле пересохшего и потому заброшенного колодца и задумчиво его разглядывал, свесившись вниз.

– Посмотрите, – предложил он нам. – Мне кажется, что внизу что-то лежит.

Мы наклонились и посмотрели в колодец. Воды в нем не было уже давно. Только та, которая попадала в колодец после дождей. А этой ночью и в самом деле несколько раз начинал идти дождик, превратив дно старого колодца в месиво. И в этой грязи и в самом деле мокло что-то, похожее на человека.

– Это не Любка, – поспешно отшатнулась Катька. – Она вечером была одета во что-то яркое. А там какая-то дерюга.

Женька проворчал что-то о том, что нужна лестница или багор, чтобы вытащить нечто, лежащее на дне колодца. За поисками подходящих инструментов пришлось вернуться в дом. Виктор как раз спускался из мансарды. И немедленно присоединился к поискам. С его появлением все быстро наладилось. Нашлась и лестница, и веревки. Мы дотащили лестницу до заброшенного колодца и опустили ее туда. При этом в окне мансарды мелькнула женская фигура. Любима наблюдала за нами, не спеша присоединяться.

Виктор спустился в колодец первым.

– Нащупал? – крикнул ему Женька.

– Это просто старое пальто! – воскликнул Виктор, поднимая в руке что-то влажное и грязное. – Просто пальто!

Он вылез на поверхность и бросил влажную тряпку на траву.

– Мне кажется, я его видела в доме, – пробормотала Мариша.

– Ну да, – кивнул Виктор. – Это Любкино старое пальто. В городе она его носить уже стеснялась. А в деревне на случай неожиданного похолодания в самый раз. Оно висело на веранде.

– А как оно оказалось тут? В колодце?

– Откуда я знаю? Может быть, Любка решила наконец навести в доме порядок и выбросила старье, – раздраженно пожал плечами Виктор.

– В старый колодец? – не поверила я.

– А что такого? Место ничем не хуже, чем любое другое, – отозвался Виктор. – С нее вполне бы случилось так поступить. Ладно, чего тут торчать? Пошли в дом. Лично я продрог. Вернется Любка, куда ей деваться. Может быть, пошла прогуляться. Вернется.

И он в самом деле пошел к дому. Мы некоторое время постояли, глядя ему вслед. Потом Женька догнал Виктора, и они двинулись к дому вместе. А мы с подругами остались стоять, глядя на старое испачканное в грязи пальто Любки. Почему-то это пальто вселило в нас страх.

– Где мы еще не искали? – мрачно спросила у нас Мариша.

И мы втроем одновременно повернули головы в сторону старого дома, стоящего в низинке. Сбежав по тропинке, мы с некоторой опаской подошли к нему. Дом и в самом деле некоторое время явно использовался на дрова. Часть его пристроек была аккуратно разобрана, доски и бревна распилены и сложены под навес. Но вторая половина дома была еще относительно цела.

– Тут кто-то недавно топтался, – произнесла Мариша, посмотрев себе под ноги. – Какие-то следы ведут в дом.

Мы переглянулись и решительно шагнули в пролом в стене. Первой Любку увидела Катя.

– Вот она! – сдавленным голосом пропищала Катька, указывая на лежащее на полу женское тело. – Ой, девчонки! Как вы думаете, она еще жива?

Мы с Маришей одновременно бросились к Любке, но увя. Все наши усилия привести женщину в чувство не увенчались успехом. Тело Любки уже похолодело. А ее глаза безжизненно смотрели в потолок.

Глава 3

– Что с ней случилось? – прошептала я. – Мариша, что это у нее такое на шее?

На шее у Любки был обрывок веревки, которая петлей обхватывала ее. Мы невольно подняли глаза к потолку и, вскрикнув, отшатнулись в сторону. Как раз над нами и над тем местом, где лежала Любка, в потолке был вбит крюк, на котором болтался второй обрывок веревки.

– Все ясно, – мрачно произнесла Мариша. – Она повесилась. Но потом под тяжестью тела Любки старая веревка не выдержала веса и оборвалась.

И она показала на измочаленный обрывок веревки на шее у женщины.

– Ой, Любка! – заревела отзывчивая Катюха. – Зачем же ты такое с собой сделала?! Разве же можно так из-за мужика переживать! Грех какой!

– Странно, мне вчера Любка не показалась расстроенной, – пробормотала Мариша. – Злой – да, но не депрессивной.

– Да, я тоже весь вечер опасалась, что она в любую минуту может вцепиться в мужа или в его новую зазнобу. Думала про что угодно, но только не... не о таком, – выдавила из себя я.

– Наверное, потом настроение у нее переменялось, – вздохнула Мариша. – Злость сменилась унынием. Она вышла в сад и побрела куда глаза глядят, чтобы выплакаться всласть. Проходя мимо колодца, швырнула в него пальто. А потом пошла в старый дом и повесилась.

– Однако, находясь в таком расстройстве и спускаясь с веранды, она не забыла накинуть на себя пальто, чтобы не продрогнуть от ночной свежести, – заметила я. – Странно это как-то. Если бы я была так расстроена, то не стала бы думать о тепле. А побрела бы прямо в чем была.

– А может быть, на нее потом накатило, – утерев слезы, произнесла Катюха. – Когда меня Сашка бросил, на меня так один раз накатило, думала, руки на себя наложу. А вроде бы все ничего было. И я уже почти себя уверила, что такой кобель мне и самой даром не нужен. А потом в магазине случайно с ним столкнулась. Как домой дошла, даже и не помню. Хорошо, дома мама с бабушкой были. Они меня в чувство привели. А то еще неизвестно, может быть, из окна бы выбросилась. Потому что совсем ничего не соображала.

– Нечего нам с вами спорить, как дело могло быть, – вздохнула наконец Мариша. – Нужно ментов вызывать. И остальным сообщить нужно. Пошли отсюда!

Катюха сделала несколько шагов и застыла, оглянувшись на Любку.

– А как же она? Что, мы ее так и оставим тут одну?

Мы задумались. Любка выглядела такой одинокой в этом заброшенном пустынном доме, что у нас троих снова защипало в глазах.

– Хорошо, – сказала Мариша. – Вы оставайтесь тут. А я пойду и расскажу о несчастье остальным.

И, повернувшись, она быстро зашагала к новому дому. А мы с Катюхой, выйдя на улицу, присели возле дома на бревно и затихли.

Подходя к жилому дому, Мариша наткнулась на Женьку, который мирно курил, сидя на крылечке.

– Ну, как продвигаются дела? – весело окликнул он Маришу, но, увидев выражение ее лица, осекся и закашлялся.

– Все очень скверно, – мрачно произнесла Мариша и прошествовала в дом.

Там она обнаружила Прапора, с фырканьем хлебающего воду прямо из-под крана в кухне. Мариша мельком отметила, что ночью воды в кране не было, видимо, отключился насос, подающий воду из скважины в дом. Позвав Прапора за собой, она прошла в гостиную. Там уже сидели Виктор и Любима, держась за руки и явно ожидая завтрак.

– Хорошо, что все уже здесь, – кивнула Мариша. – Пойдемте. Мы нашли Любку.

– Так пусть она сама сюда идет! – отозвался Виктор. – Или она совсем не в состоянии?
– Не в состоянии, – мрачно подтвердила Мариша.

– Да будет тебе! – отмахнулся Виктор. – Не так уж много мы вчера и выпили, чтобы она сегодня на ногах не держалась.

– Дело вовсе не в том, – отозвалась Мариша. – Просто она... Она умерла.

– Что? – хором воскликнули все.

Мариша не случайно загнала всех в гостиную. Она хотела, чтобы в тот момент, когда она сообщит эту трагичную новость, все лица были бы перед ней и она могла бы наблюдать реакцию собравшихся. Что же, Мариша могла быть удовлетворена. Все без исключения были поражены. Но, пожалуй, больше всех Прапор.

– Что? – бормотал он. – Как? Нет, это невозможно!

– Еще как возможно! Она повесилась в старом доме, – отозвалась Мариша и посмотрела на Любиму.

У той мелькнуло странное выражение, словно ей было искренне жаль девушку. Но тут же лицо приняло обычное, разве что чуть менее равнодушно-высокомерное выражение.

– Повесилась в доме моих родителей, – пробормотал Виктор. – Да как она посмела! Теперь люди снова начнут о нашей семье молоть языками!

– Что ты говоришь! – одернула его жена. – При чем тут люди? Бедная девушка, она так страдала! Ты так грубо разговаривал с ней вчера. Наверное, она переживала ваш разрыв сильнее, чем показывала нам.

– Глупости все это! – отозвался Виктор. – Любка – девка простая. Какие у нее там могут быть особые чувства? Да и так, как ты, она не любила меня никогда. Ее мать за меня выйти заставила. Не могла она из-за меня повеситься! Не такой она была человек!

– Но тем не менее она это сделала, – сказала Мариша.

– Не верю! – воскликнул Виктор. – Сам хочу посмотреть!

И с этими словами он бросился из дома. Остальные припустили следом за ним. Так и не пришедший в себя Прапор на бегу что-то бормотал себе под нос. Мариша задержалась и расслышала несколько слов:

– Как же так? – бубнил Прапор. – Не может быть! Это же надо так облажаться. Ну, Любка. Ну надо же так меня подставить!

Последняя фраза заставила Маришу призадуматься, что, пожалуй, Прапор знает о кончине их хозяйки больше, чем остальные. Виктор первым добежал до старого дома и теперь пытался ворваться внутрь. Мы с Катькой его не пускали.

– Туда нельзя! – кричала Катька. – Ей уже не помочь. А следы все затопчешь!

Наконец Виктор уgomонился. И рухнул на какое-то бревно. Любима начала хлопотать возле него.

– Она действительно повесилась? – тихо спросил у нас тем временем Женька. – И вы ее нашли? А где письмо? Дайте его мне!

– И мои деньги! – чуть не плача добавил Прапор.

– Какое письмо? – изумилась Катька.

– Какие деньги? – насторожилась я.

– Письмо, которое обычно оставляют самоубийцы, – объяснил нам Женька. – Ну, где они пишут, из-за кого или по какой причине решили свести счеты с жизнью.

– Никакого письма мы не видели, – растерянно переглянулись мы с подругами. – Не было письма.

– А деньги? – плачущим голосом спросил у нас Прапор.

– Да что за деньги? Откуда?

– Деньги за дом! – воскликнул Прапор. – Аванс, который я выплатил Любке вчера! Где эти деньги? Вы их видели?

– Ты ей вчера заплатил деньги? Хм, может быть, они до сих пор у Любки? – предположила Мариша, немного подумав. – Мы не обыскивали ее карманы.

– Так надо обыскать! – воскликнул Прапор, вскочив на ноги. – А то сейчас приедут менты, знаю я их. Заявят, что деньги – это вещественные доказательства, и прикарманят их. Доказывай потом, что это были мои деньги.

– Хорошо, – посочувствовали ему мы с Катькой. – Осмотри ее карманы, только очень осторожно и аккуратно. Ничего не повреди.

Прапор пробормотал, что вряд ли Любке уже что-нибудь может повредить.

– Кстати, а кто-нибудь уже вызвал милицию? – спросила я. – Мариша, ты вызвала? Ты ведь за этим в дом ходила?

– Нет, – расстроилась та. – Я забыла. Я ведь как раз пошла в дом за трубкой. Но потом встретила у крыльца Женьку, и он меня отвлек своими расспросами.

– У меня телефон с собой, – отозвался Виктор. – Я сам вызову ментов.

И в самом деле вытащив трубку, он позвонил в ближайшее отделение милиции, находящееся, по его словам, в Броннице.

– Сказали, что приедут, как только починят машину, – сказал он, закончив разговор.

– У них что, одна только машина?

– Видели бы вы их отделение, не задавали бы таких дурацких вопросов! – отозвался Виктор, который после смерти Любки определенно начал снова чувствовать себя тут полным хозяином и наггел на глазах. – Пошли в дом. Нужно все обсудить! Тут все равно делать больше нечего. Любку мы не оживим.

Но никто не торопился уйти. Видя, что его никто не послушался, Виктор ненадолго утратил командирский тон. Так и не обнаруживший при Любке своих денег Прапор сидел в стороне с убитым видом. Мы с Катькой утешали его как могли.

– Не могла покончить с собой уже после оформления сделки! – в сердцах восклицал Прапор. – Вот ведь бабы, одними эмоциями живете. Никаких мозгов!

– Как ты можешь так говорить! – возмутилась Катька. – Тут человек умер, а ты о каких-то деньгах толкуешь.

– Не о каких-то, а о тех самых, которые я целый год копил! – взорвался Прапор. – Ты сама в жизни ничего не скопила, много ты понимаешь!

– Все равно так говорить нехорошо, – буркнула Катя.

Но Прапор ее не слушал, он покачивался, словно в трансе, страшно переживая потерю своих денег.

– Найдутся твои деньги, – сказала я ему. – Не переживай ты так.

– Кстати, а когда ты их успел передать Любке? – спросила у него Мариша.

– После того как мы посидели и разошлись по своим комнатам, я начал кое-что про себя прикидывать, – грустным голосом начал свой рассказ Прапор. – То есть сначала я честно пытался заснуть, но все не мог. Ворочался с боку на бок, думал – а вдруг завтра Любка заявит, что не станет продавать дом. Покурить даже вышел на улицу. И тут вдруг Любка сама возле меня появляется и предлагает, чтобы я ей аванс за дом выдал, а она мне в том расписку напишет. Мол, если Виктор утром снова волну гнать начнет, что дом его и продавать его нельзя, так я ему хоть расписку в нос суну, что уже и деньги заплатил. А документы, скажем, сейчас уже оформляются. Он и утихнет.

– И ты не удивился такому предложению?

– Удивился сначала, но она мне сказала, что очень уж ей бывшему мужу досадить хочется. И ей просто невыносима мысль, чтобы Виктор над ней верх взял. И поселился в своем драгоценном доме с этой стервой, на которой снова женился.

– Ну и...

– И я аванс ей выплатил, а она мне расписку написала, – ответил Прапор.

- Деньги ты ей отдал. А куда она их дела, ты видел? – спросила я.
- В том-то и дело, что к себе в карман пальто сунула! – воскликнул Прапор.
- В пальто? – воскликнули мы с Катькой. – В такое темно-синее?
- Ну да, – кивнул Прапор. – Вроде бы она в нем была, когда со мной разговаривала.
- Тогда я знаю, где твои деньги! – воскликнула я.

И мы с Катькой потащили Прапора к высохшему колодцу. Любкино пальто до сих пор валялось возле него, где его и бросили. Сверху на солнышке уже немного подсохло и покрылось коркой из песка и глины. Но, вывернув все его карманы, мы денег так и не обнаружили.

– Странно, – произнесла Мариша, которая тоже подошла к нам. – Деньги должны быть в нем. Прапор, а ты не помнишь, вы с Любкой вместе в дом возвращались?

- Она сказала, что еще прогуляться хочет, – ответил Прапор. – И к реке направилась.
- Это было до дождя?

– Да, – кивнул Прапор. – Я ей еще в спину сказал, чтобы она долго не ходила, дождь собирается. А она ответила, что сама все прекрасно понимает. Поэтому и пальто накинула. Оно у нее с капюшоном было.

– Очень интересно, – выслушав его, кивнула головой Мариша. – А ты когда в дом возвращался, ничего странного не заметил? Кто в это время был в доме?

- Женька уже дрых без задних ног, – сказал Прапор, – и Катька тоже!
- Ничего я не спала! – возмутилась Катька. – Душно было жутко. Я слышала, как ты уходил на улицу. Только не думала, что ты там с Любкой болтаешь.
- А кто еще в это время выходил из дома, ты слышала? – спросила у нее Мариша.
- Нет, – покачала головой Катька. – Вроде бы перед тем, как Даша встала, мне какой-то шорох почудился.

– И мне тоже! – воскликнула я. – И какой-то мужчина кашлянул!

– Но не Прапор! – воскликнула Катька. – Он рядом лежал и не кашлял. Только храпел.

– И не Женька, – отозвалась я. – Он в гостиной спал, а кашляли в кухне.

– В таком случае, это был Виктор?

– Больше в доме мужчин не было, – сказала я.

– Выходит, ночью он спускался зачем-то вниз, – сказала Мариша. – Наверное, встретил Любку, наговорил ей кучу гадостей, она психанула и покончила с собой.

– Но это не объясняет, куда делись мои деньги! – воскликнул Прапор.

– Да, это вопрос, – согласилась с ним Мариша.

– И еще какой! – подтвердил Прапор, явно тяжело переживающий исчезновение своих долларов.

– А много ты в качестве аванса выплатил? – спросила я.

– Десятку, – мрачно отозвался Прапор.

Мы переглянулись. Может быть, для миллионеров десять тысяч долларов и пустяк, смешная сумма, но для Прапора эти деньги значили много. Очень даже много. По приблизительным подсчетам, которые как-то сделала за него Катька, Прапор тратил в месяц никак не больше тысячи долларов. То есть на эти деньги он, грубо говоря, мог бы прожить целый год. Было от чего ему прийти в уныние.

– Если денег не оказалось при Любке и денег нет в ее пальто, куда она их на глазах Прапора сунула, выходит, она их куда-то перепрятала, – сказала Мариша и добавила: – Когда ходила на реку.

Прапор даже застонал от отчаяния.

– Вы предлагаете обыскать всю округу? – спросил он. – В поисках Любкиного тайника с моими долларами?

– Зачем всю округу? – пожала плечами Мариша. – Любка направилась на реку, так? Значит, и искать нужно в том направлении.

– Как искать?

– Нужна поисковая собака!

– Чушь! – отмахнулась я. – Ночью то и дело шел дождь. Все следы смыло. Собака не сможет взять след. Да и откуда тут поисковые ищейки?

– Собаку можно привезти из города, – задумчиво отозвалась Мариша. – Но есть ли в этом смысл? Следы действительно уже смыло. Значит, нам нужно поискать самим. Пройдем по дорожке к реке. Может быть, что-то в глаза бросится.

И мы поплелись к реке. Все прекрасно понимали, что Мариша затеяла эту экспедицию исключительно с целью отвлечь Прапора от мрачных мыслей. И чтобы заставить его действовать, надеясь, что со временем он потихоньку смирится с потерей денег. Но до самой реки мы не дошли. Навстречу нам попался мальчишка лет двенадцати. Увидев нас, он заметался по дорожке, явно стремясь избежать встречи. Но по обе стороны от дороги росли густые заросли малины, так что деваться парнишке было некуда. Подойдя поближе, мы поняли причину его беспокойства. В руках у него была сеть, а в мешке полно рыбы.

– Сетью ловишь, голубчик! – приторно ласковым голосом пропела Мариша, преграждая дорогу мальчишке.

– Тебе-то что! – буркнул пацан. – Ты рыбнадзор, что ли?

– Как знать, – загадочно произнесла Мариша. – Как знать. Может быть, и не рыбнадзор, а сеть у тебя отнять мы вполне можем. И в милицию препроводить тоже.

– Тетенька! – заныл парнишка. – Ну, какое вам дело? Хотите, я с вами уловом поделюсь.

– Зачем мне твоя рыба? – задумчиво произнесла Мариша, но пакет с рыбой раскрыла. – И долго ты это все ловил? – спросила она, обнаружив в пакете несколько очень крупных и жирных окуней и пару щучек.

– Всю ночь! – с гордостью отозвался парнишка.

– А дождь?

– Мы с ребятами шалаш на берегу смастерили! – с гордостью отозвался парень. – Ночью сети ставим, утром выбираем. Никто и не знает о нашем месте.

– Вот как, – впад в еще более глубокую задумчивость, произнесла Мариша. – И где оно, это место?

– На том берегу, – не слишком охотно отозвался парнишка, махнув рукой в сторону моста, ведущего на другой берег.

– Значит, ты всю эту ночь, невзирая на дождь, караулил сети на другом берегу? – уточнила у него Мариша. – А не видел ли ты ночью возле реки каких-нибудь людей?

– Это тетю Любу – жену дяди Вити вы, что ли, имеете в виду? – спросил у нее мальчишка, а мы даже замерли, боясь поверить в такое чудо.

– А что, видел? – спросила Мариша.

– Видел, – кивнул мальчишка. – Только она не одна была. А с дяденькой.

– С каким дяденькой? С мужем... С дядей Витей, что ли?

– Нет, – покачал головой мальчишка. – Другой. Ростом повыше. И более худой.

– Ты его знаешь? Этого высокого и худого?

– Нет!

– А описать сможешь?

– Да я с того берега и тетю Любу только по голосу узнал! – отозвался мальчишка. – И по прическе. А уж его и вовсе я одну фигуру видел.

– Постой, – внимательно посмотрела на него Мариша. – Как же ты мог видеть, с кем тетя Люба разговаривала, если была ночь и темно. Луна за тучами все время пряталась.

Мальчишка замаялся, но потом все же признался.

– А я поближе к ним подобрался, – сказал он. – Любопытно мне было, с кем тетя Люба ночью встречается. Ведь она с дядей Витей только недавно развелась. А уже новый какой-то хахаль вокруг нее крутится. Вот я и хотел подсмотреть, кто это такой был.

– Но ты его не узнал?

– Нет, хоть я и ближе подобрался, но все равно, чтобы его хорошенько разглядеть, больше света было нужно, – отозвался мальчик.

– А о чем они говорили, ты слышал?

– Они тихо говорили. Только вначале тетя Люба крикнула, тогда я ее и узнал.

– Что крикнула?

– Не что, а кого! – поправил мальчишка. – Его звала!

– Да кого его?

– Своего хахаля! – явно теряя терпение, отозвался парень.

– Как звала? – тоже закипая, спросила Мариша. – По имени она его окликнула?

– Нет, просто позвала. Вот так: «Эй, ты тут? Что прячешься? Я же все равно знаю, что ты тут! Или ты уже не мечтаешь разбогатеть? Разговор к тебе есть! Выходи!» Он к ней и подошел. А я к ним поближе подобрался. Я ведь сначала подумал, что это она меня зовет. Мало ли чего ей понадобилось по хозяйству или еще как. А потом понял, что это она того мужика звала.

– Так, – мы переглянулись между собой. – Последний вопрос, как по-твоему, откуда этот мужик мог появиться?

– Да мало ли, – фыркнул парнишка. – Из соседней деревни приехал или пешком пришел. Или к кому-то из нашей деревни в гости приехал вроде вас. Или, может быть, даже кто-то и из наших. Что я всех так хорошо знаю, чтобы в темноте их различить? Не закричи тетя Люба, я бы и ее не узнал. Вот так-то!

И, сделав это заключение, он хотел двинуться дальше по дорожке. Но не тут-то было. Мариша вынудила беднягу вернуться назад и указать точное место, где происходил разговор Любки с ее ночным визитером. И только потом парнишка был отпущен с миром и с уловом.

– Значит, тут стояла Любка, – бормотала Мариша, смотря на полянку перед песчаным пляжем, покрытую утрамбованной травой. – А этот тип находился вон в тех зарослях. И оттуда вылез, когда она его позвала.

Мы прошли к зарослям и принялись рассматривать землю возле них.

– Никаких следов, – с сожалением заключила Мариша и полезла в самую гущу, где ветки немедленно окатили ее оставшейся с ночи дождевой водой. Но Мариша не сдавалась. Она залезла еще глубже в заросли, и наконец оттуда раздался ее удовлетворенный голос:

– Так-так! Вот тут он и стоял. Песок влажный, но дождем его полило самую малость. Так что следы на нем довольно хорошо видны.

– И что?

– Судя по отпечаткам, нога у Любкиного гостя размера сорок пятого, – отозвалась Мариша. – И он был обут в кроссовки. Правда, рисунок подошвы уже не виден. Зато... Зато этот человек курит «Беломор». И пользуется спичками, а не зажигалкой.

– Кто сейчас курит «Беломор»? – фыркнул Прапор.

– Не скажи, – отозвалась я. – Есть еще любители.

– Да его и не достать нигде!

Мы с Катькой пожали плечами. Конечно, Прапор прав. Нынче «Беломором» в каждом ларьке не торгуют. Но при желании достать его все же можно. А в деревнях у бабок, скорей всего, в закромах полно этих папирос. Как известно, деревенские жители запасливы. Чего только не найдешь на иных чердаках. И старые покрышки, и часы с кукушкой, и платья, сшитые по моде семидесятых годов из ацетатного шелка, и ломаные корзины, и прохудившиеся ведра, и вполне целые и годные в употребление самовары, и прочее барахло.

– Что-нибудь еще нашла? – крикнул Марише Прапор. – Денег там моих не видно?

– Нет, – пыхтя, выбралась из зарослей совершенно мокрая Мариша. – Да и не стал бы этот тип их там оставлять. Кстати, а это мысль! Наверное, Любка отдала ему твои деньги. И они теперь у него.

– С какой стати ей было раздавать направо и налево мои деньги? – взорвался Прапор.

– Это были уже ее деньги! – напомнила ему Катька. – Ты ей их отдал в качестве аванса за дом. Видимо, они ей срочно понадобились, раз она сама к тебе подошла.

– Да, – согласилась с ней я. – Выходит, Любка знала, что у реки ее ждет знакомый мужчина. И что этому мужчине очень нужны деньги.

– Может быть, он ее шантажировал? – предположила Катька.

– Или она была ему за что-то должна! – сказала я.

– Все равно одно с другим как-то не вяжется, – заключила Мариша. – Если Любка решила покончить с собой, то какого рожна ей было суетиться, тащиться на реку и передавать тут деньги этому типу с «Беломором»? Покончила бы с собой – и плевать на всех.

– Значит, он ее не шантажировал. А это был долг чести, – сказала я. – Она отдала ему деньги. И, сочтя, что теперь с земными делами покончено, пошла в заброшенный дом и повесилась.

У меня даже слезы навернулись на глаза от такого Любкиного душевного благородства. У нее такая личная драма назрела, а она в первую очередь думает о человеке, которому должна успеть вернуть долг. Надо же! Но остальные не спешили разделить мое волнение и трепет.

– Думаю, что скорей всего тут дело в другом, – мрачно сказала Мариша и добавила: – Ладно, пошли. Должно быть, там уже менты приехали. Послушаем, что они нам скажут.

Глава 4

Менты прибыли как раз к тому моменту, когда мы уже перестали их ждать. Чтобы как-то себя подбодрить, решили попить кофе. Завтракать никому как-то не хотелось, а вот от горячего напитка никто не отказался. Мы с Катькой пили с молоком, но без сахара. Мариша с лимоном, Любима прихлебывала маленькими глоточками черный, который ей заварил Виктор собственными руками. А мужики пили просто с сахаром.

– С похмелья лучше пить чай, – неожиданно произнес Женька, отставив от себя уже третью за это утро пустую кофейную чашку. – Чай выводит из организма все токсины.

– Взял бы да и заварил! – отозвалась Мариша.

– Чего ты цепляешься!? – испугался Женька. – Кофе так кофе. Очень даже хорошо. Налейте мне еще чашечку.

Все покосились на него, и в этот момент, когда мы уже заканчивали пить кофе, возле дома затормозила машина и послышались голоса.

– А вот и господа милицейские прибыли! – обрадовался неизвестно чему Виктор и поспешил их встретить.

Впрочем, тут же выяснилось, что с одним из прибывших он хорошо знаком. Мы могли бы сообразить это уже и раньше хотя бы потому, как свободно Виктор разговаривал по телефону, дозвонившись до отделения. Оказалось, что капитан Колосов приходился Виктору школьным приятелем. В общем, эти двое долго трясли друг другу руки, похлопывали друг друга по плечам и вообще всячески выражали симпатию и радость по поводу встречи.

Нам даже стало казаться, что прибывший капитан милиции забыл, зачем, собственно говоря, его вызвали. Но наконец он вспомнил про свой долг и, тяжело переваливаясь, затопал к старому дому, прихватив с собой молоденького безусого юношу – стажера, как мы поняли. Мы все двинулись за ними следом. Впрочем, ничего нового менты нам не сказали.

– Нужен эксперт, – глубокомысленно заметил стажер, который очень внимательно осмотрел место происшествия.

– К чему? – возразил его более поднаторевший товарищ, тот самый, который обнимался с Виктором. – Дело-то и так ясное. Повесилась бабенка. Бывает такое. Бабы вообще дурные делаются, когда без мужика живут.

Мы с подругами только переглянулись. Похоже, у господина капитана в голове бродят странные идеи. Надо же ляпнуть такую глупость. Ведь если следовать его логике, то все одинокие женщины должны стройными рядами в самом скором времени после развода с любимым мужчиной двигать в риги, овины и прочие уединенные местечки, крепко сжимая в кулачке набор из веревки, мыла и крюка с электрической дрелью или молотка с большущим гвоздем, чтобы было на что веревку накинуть. А как вы хотели – мужика-то ведь нет. Даже крюк вбить, чтобы на нем повеситься, и то некому. Как же от такой жизни руки на себя не наложить?

– Нужен эксперт, – упрямо повторил младший коллега.

– Слушай, Колька, ты тут кто? – окрысился на него старший товарищ. – Ты – стажер. Вот и знай свое место. Ой, недаром тебя к нам на практику сослали. Небось и у себя в академии ты тоже так выделялся!

– Ничего я не выделялся! – дрожащим от обиды голосом произнес Коля.

Внешне он напоминал худенького воробышка. Нам его даже стало жаль. Куда такому пенчику против капитана с его мощными габаритами, красной рожей и к тому же еще не отошедшего от вчерашних возлияний и явно желающего продолжить их как можно скорей. Этот тип с Виктором были похожи, словно родные братья. По этой причине или по какой другой, но мы сразу же возненавидели приехавшего хама-капитана.

– Я к вам в область специально попросился, – продолжил тем временем Коля. – У меня тут бабушка старенькая одна летом живет. И вы это прекрасно знаете. А эксперта все равно вызвать надо. И это не моя прихоть. Эту женщину повесили уже после смерти!

– Чего? – вылупился на него капитан. – Ты болтай, да не забалтывайся. Вон у нее веревка на шее! Вон крюк в потолке!

– Откуда тут взялся этот крюк? – воскликнул Коля, зарозовев и став нам от этого еще более симпатичным. – Тут все вокруг ржавое. А крюк совсем новенький. Словно вчера из магазина. Уверен, что на нем даже смазка еще сохранилась. И на голове погибшей след от удара. Просто под волосами не видно. Да вы присмотритесь! Вы же ее даже не осмотрели как следует, а уже решения принимаете!

И он откинул прядь волос на голове Любки. Думаю, что капитан охотно послал бы стажера ко всем чертям, но при свидетелях не мог себе позволить такой роскоши. Вместо этого он побагровел еще больше, но нагнулся над телом Любки.

– Хм, – произнес он, почему-то виновато взглянув на Виктора. – В самом деле кровь и след от удара.

Распрямившись, капитан долго пыхтел, что-то соображая.

– Может быть, она случайно ударилась головой! – заявил он наконец. – Сама, понимаешь. Пьяная ведь небось вчера была!

– А вы откуда знаете? – подозрительно уставилась на него Катька.

– Да кто же у нас вечером в пятницу трезвый ходит? – снисходительно пояснил ей капитан. – Когда дело-то произошло?

– Откуда нам знать? – огрызнулась Мариша. – Мы думали, вы нам скажете.

– А я откуда знаю? – искренне изумился капитан. – Скоро вы ее хватились?

– Примерно с двух ночи ее не было, – ответила Мариша. – Мы ее ждали, поэтому и знаем.

– Вот вам и ответ! – облегченно вздохнул капитан. – Тогда же и повесилась.

– Но она еще на реку ходила! – воскликнула Мариша. – Она нам сама сказала.

– Сказала, что на реку пойдет, а сама веревку прихватила и того... – раздраженно ответил ей капитан, всем своим видом показывая, что Мариша ему страшно надоела и он тут вовсе не для того, чтобы выслушивать идиотские предположения всяких приезжих дамочек.

Они с Виктором направились к дому, разговаривая о чем-то своем. А мы остались рядом со стажером Колей.

– Я не верю, что женщина повесилась, – сказал он нам. – Но эксперт есть только в области. А сегодня суббота. Не знаю, что и делать. Но все же попытаюсь дозвониться до кого-нибудь. Только у меня телефон тут не берет.

Прапор и Женька немедленно предложили ему свои трубки.

– Только, может быть, я долго буду разговаривать, – предупредил их Коля.

– Говори, сколько хочешь, не жалко, – заверили его ребята. Коля набрал номер и, отойдя в сторону, принялся вполголоса кого-то убеждать. Потом перезвонил еще в два места. И в конце концов вернулся к нам изрядно повеселевший.

– Эксперт будет! – очень гордо сообщил он. – Нам жутко повезло. Он как раз гостил у своего приятеля в соседней деревне. Так что минут через сорок приедет. Просто удивительное совпадение.

– А ты не боишься, что тебе влетит за самоуправство от капитана? – спросила у него Катька.

Немного помолчав, Коля ответил:

– Странно все это. Крюк совсем новый вбит, но поблизости нет никакого инструмента. И веревка совсем старая. Что же получается, женщина крюк вбила, а хорошую веревку у себя в хозяйстве найти не сумела? И откуда у нее кровь на голове? Тут вокруг нету никаких предметов, о которые бы она могла удариться головой. И крови нигде нет. Вряд ли она с такой

раной на голове сумела бы дотянуться сюда. Думаю, будь все так, как говорит капитан, то где ударилась, там бы и осталась лежать. Нет, тут все иначе было.

– А как?

– Как? – почесал затылок Коля. – Ну, допустим, кто-то нашел ее тело, перетащил сюда и зачем-то сунул в петлю. Но хочу вам сказать, это еще в самом лучшем случае.

– А что в худшем? – спросила Катька.

– В худшем, тот человек, который ее сунул в петлю, сам же ее и по голове ударил. И, убив или оглушив, подстроил все под самоубийство. И вот эта версия мне кажется вполне подходящей.

Приехавший через полчаса эксперт подтвердил догадку Коли. Он оказался вполне симпатичным и, главное, деловым и трезвым сухошавым мужчиной лет сорока. Служил он в Новгороде, а сюда заехал случайно.

– Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: женщина вполне могла скончаться от такого удара по голове, – сказал он, проверив рану под волосами у Любки. – Крови совсем немного, но... Но в любом случае нужно провести вскрытие, чтобы определить причину смерти.

Потом эксперт осмотрел прикрытую до сего момента воротом футболки шею Любки, а затем веревку и крюк. И помрачнел еще больше.

– Не нужно и вскрытия делать, – буркнул он. – Она умерла не от удушения.

– Почему?

– Видите, – показал рукой эксперт, – у нее на шее остались лишь небольшие ссадины. А следа от удушения практически нет. Если ее и повесили, то веревка оборвалась почти сразу же. Она не могла задохнуться.

– Выходит, ее точно убили? – ахнула Катька. – И это не несчастный случай?

Эксперт мрачно кивнул и вытащил из кармана трубку, начав звонить кому-то в район. А мы все тихонько вышли на улицу.

– Что же это делается? – пробормотал Женька. – Выходит, Виктор прикончил свою бывшую жену?

– Почему именно он?

– А кто еще? – удивился Женька.

– Любой, кто был поблизости, – отозвалась Мариша. – Включая и всех нас.

– Что же теперь, если рассуждать по-твоему, мы все будем находиться под подозрением? – возмутился Прапор. – Ты не права, Мариша. У Виктора был мотив, чтобы пойти на убийство. А у нас нет.

– Это еще предстоит выяснить, – буркнула Мариша.

– Кому предстоит? – напустился Прапор. – Этот капитан с красной рожей ничего не захочет выяснять. По нему сразу видно, ему лишь бы глаза залить. А дальше хоть трава не расти.

– Во всяком случае, толковый следователь точно захочет выяснить, – сказала Мариша. – И сразу узнает, что мы с вами все выходили ночью из дома. И значит, все могли прикончить Любку.

– Глупости! У меня лично не было мотива ее убивать! – воскликнул Женька. – И я как свалился, так и спал в гостиной всю ночь.

– Ты выходил, – неожиданно перебил его Прапор. – Когда я возвращался в дом, поговорив с Любкой, то столкнулся с тобой.

– Я только покурил и вернулся назад! Зачем мне было ее убивать?

– Я и не говорю, что ты ее убивал, – отозвался Прапор. – Но ты же вечно кидаешься на любую юбку. И возле Любки ты весь вечер вертелся. А она к тебе не больно-то. Все больше ко мне.

Мы с подругами переглянулись. В словах Прапора была своя правда. Женька и в самом деле весь вечер ухаживал за Любкой. Но она принимала его ухаживания только до того момента, пока их мог видеть Виктор. Наверное, таким образом она надеялась возбудить в бывшем муже ревность. Но как только поняла, что тот совершенно равнодушен, сразу же отшила Женьку, и весьма грубо. Возможно, Женьке было непривычно получать отказ от дам. И он в самом деле вознамерился наказать гордячку. Конечно, убивать он ее не собирался. Но неизвестно, как у них там дело обернулось. Возможно, Женька попытался ее поцеловать, Любка начала отбрыкиваться. А так как оба они были под градусом и нетвердо стояли на ногах, то вполне могли упасть. И при падении Любка неудачно стукнулась обо что-нибудь головой. Например, о торчащий из земли камень или железку. Всякое ведь в жизни бывает. Как говорила моя бабушка, на грех и из палки выстрелишь.

– Ты думаешь, я погнался за ней, изнасиловал, убил, а потом еще и в петлю сунул? – даже побледнев от ярости, заорал на Прапора Женька. – Да зачем мне это нужно? Со мной любая девка добровольно будет рада побыть. И вообще, я так вчера набрался, что мне не до любви было. Я и на ногах едва стоял! Какие уж тут погони!

– Никто тебя и не обвиняет! – успокоила его Мариша. – Прапор просто объяснил на твоём примере, что при желании менты могут найти мотив для любого из нас.

– А чего сразу на мне? – пробурчал, уже успокаиваясь, Женька. – Как что, так сразу я. На себя пусть примеривает. У него-то побольше моего был мотив Любку убить.

Теперь наступил черед Прапора побледнеть.

– Что? – заорал он. – Что ты городишь?

– А то! Ты же сам сказал, что Любке деньги заплатил, и она тебе расписку в их получении дала. А что тебе мешало потом ее убить, а деньги обратно забрать? Все десять кусков. Людей и за меньшие деньги убивают!

– Да чтобы я! За десять кусков! Да на нары! Ни за что! – заключил Прапор. – У меня голова на плечах есть. – И он уставился на нас.

– А чего ты на нас смотришь? – осведомилась у него Мариша.

– Вы тоже могли Любку грохнуть, – последовал неожиданный ответ.

– За что же это, интересно? – разинули мы рты.

– Из ревности! – заявили парни и торжествующе переглянулись. – Из-за того, что мы за ней весь вечер ухаживали.

– Нужны вы нам больно, – фыркнула Мариша и закатила глаза, показывая, что больший абсурд и придумать трудно.

– У вас и самомнение! – позавидовала я Прапору и Женьке.

А Катька не сказала ничего, она отвернулась молча, всем своим видом выражая, какого она невысокого мнения о мужчинах вообще и о Прапоре с Женькой в частности, что даже разговаривать с ними не хочет. Однако уже через полчаса мы все между собой помирились. И дружно решили, что самый сильный мотив, как ни крути, все же был у Виктора. Ведь после смерти Любки он вполне мог претендовать на право владения своим домом. Уверенные, что теперь личность убийцы ничего не будет стоить призвать к ответу, мы двинулись к дому, где за стаканами с первачом, поставленным сюда кем-то из сердобольных соседей, сидели бравый капитан и Виктор. Судя по их скорбным лицам, они поминали Любку.

– Погибни она месяца на три раньше, быть бы тебе вдовцом! – глубокомысленно изрек капитан как раз в тот момент, когда мы входили в дом.

– Не допустил бы! – рубанул по столу Виктор. – Будь она со мной, осталась бы жива! Нечего ей было мать свою слушать! Вот кто во всем виноват!

Любима куда-то испарилась, должно быть, видеть мужа в таком состоянии было невыносимо для ее гламурной сущности. А вот мы с подругами, напротив, очень заинтересовались разговором двух уже изрядно набравшихся господ. И потихоньку устроились в укромном

уголке кухни за холодильником, где на нас никто не обращал внимания, но мы могли все слышать.

– Так вроде бы ты же с ней развелся, – попенял Виктору капитан. – В деревне бабки так судачили.

– Я?! – возмутился Виктор. – Да ты что? Чтобы я Любку прогнал? Ни за что!

– Погоди, погоди, – удивился капитан. – К тебе же твоя прежняя вернулась.

– Вернулась, – пьяно кивнул Виктор. – И чё?

– Так ты же на ней женился!

– Я почему женился! Потому что Любка психанула и к мамаше своей убежала. Дура! А та ко мне заявила и ну скандалить, что я ее доченьку обидел. И имущества лишил. А жить, мол, ее дочь со мной после всего случившегося не будет. Нужно разводиться и имущество делить. Грозилась ужасно. Любима даже из дома ушла. Ну, я и сказал, что ладно, отдам вашей дочери, Раиса Захарьевна, дом в деревне. А себе квартиру оставлю. Что мне еще было делать? Ты же знаешь Раису Захарьевну. Так бы просто она от меня не отстала. Это же огонь, а не баба.

– Полымя! – подтвердил капитан. – Давай выпьем, чтобы век ее больше не видеть.

– Слушай, а не мог бы ты ее за решетку засадить? – по-товарищески доверительно обратился к капитану Виктор.

– За что? – удивился тот.

– А может быть, это она Любку и прикончила, чтобы дом захватить! – ответил Виктор, и у нас с подругами глаза полезли на лоб.

Судя по продолжительному молчанию, капитан тоже с трудом переваривал эту версию.

– Да ты что?! – наконец выжал он из себя реакцию. – Она же ее... как это... Она же ее мать! И чтобы мать родную дочь из-за какого-то дома убила? Не может быть!

– Э-эх! – горько вздохнул в ответ Виктор. – Не знаешь ты всего!

– Ч-чего я не знаю?

– А как Раиса Захарьевна дочку за меня отдавала, вот чего ты не знаешь!

– Н-не знаю, – не стал спорить капитан, да и не смог бы – язык у него к этому времени уже изрядно заплетался. – Р-расскажи!

– У Любки братец есть, вот в нем Раиса Захарьевна души не чает.

– Ну да, – согласился капитан. – Знаю. Не чает. Только погоди! Он же у нее уголовник! Я же узнавал – три ходки у него уже, а самому едва за тридцатник перевалило. Как же, наслышан я о нем. Дом-то их возле нашего стоял, пока этот придурак со своими дружками его не спалили. Только это вроде бы уже после того было, как ты на Любке женился?

– Верно, – сказал Виктор. – Так я тебе и хочу рассказать, как Раиса Захарьевна ко мне пришла дочь свою предлагать. Вроде бы просто по-соседски ко мне зашла. Я думал, чего спросить хочет. Она ведь в этих местах не так давно появилась. Родителей моих уже в живых тогда не было.

– Ну да, – отозвался капитан. – Я помню.

– А приехала сюда Раиса Захарьевна уже вдовой, но с двумя детишками. Любка и Митька. Купили дом, вроде бы на лето.

– Они, и верно, зиму в городе жили, – кивнул капитан.

– Так вот сынка своего Раиса Захарьевна избаловала ужасно, – продолжал рассказывать Виктор. – А дочка у нее всегда на последнем месте была. Не любила Раиса Захарьевна Любку, вот что. Это ведь она мне ее предложила. За пять кусков.

– Что? – спросил капитан, даже протрезвев от удивления. – Как это? За пять тыщ-щ-щ, что ли?

– Тебе как другу скажу! – ответил Виктор. – Ты ведь мне друг?

– Кто друг? Я друг? – усомнился вдруг капитан, но тут же сомнения его оставили и он энергично подтвердил: – Конечно, друг! Мы же с тобой в одну школу ходили!

– Так я тебе по дружбе и скажу: продала мне Раиса Захарьевна свою дочку. Я ведь на Любке из жалости, можно сказать, женился. Мне Раиса Захарьевна так и сказала: если я Любку замуж за себя не возьму, она ее Махмуду нерусскому – это какой-то торгаш с рынка – продаст. Мол, он хоть сейчас купить девку согласен. Только она, как мать, для дочери своей все же счастья хочет.

– Молодец! – одобрил неизвестную нам, но лихо расторговавшую свою дочь Раису Захарьевну вконец окосевший от самогона капитан.

– И поэтому, мол, сначала мне Любку решила предложить, – закончил Виктор. – За пять тысяч долларов!

– И ты купил? – тупо спросил капитан.

– Не отдавать же Махмуду этому девку было! Потому что я точно понял, что эта стерва – мать Любкина – Раиса Захарьевна вполне бы свое слово насчет продажи дочери сдержала. У ней сынок под следствие по тому времени угодил. Адвокат вроде бы ей обещал так дело повернуть, чтобы его выпустили. Но деньги нужно заплатить. Вот Раиса Захарьевна и решила единственную ценность, что у них в доме была, продать.

– Какую ценность? – снова не понял капитан.

– Да дочку свою! Любку!

– Вот дрянь баба! – в сердцах воскликнул капитан, до которого наконец дошло. – Собственным ребенком торговать вздумала. И что дальше?

Нас с подругами это тоже чрезвычайно интересовало. Но, увы, в этот момент внимание Виктора что-то снова отвлекло.

– Нет, ты глянь, вот паскуда! – неожиданно выругался он. – Верно говорят – помяни черта, и он тут как тут! Приперлась!

– Кто?

– Кто! Ты глаза-то разуй! Теща моя бывшая притащилась! Раиса Захарьевна, чтобы ей прострел во все кишки! Сейчас услышишь, шум какой подымет, как узнает, что Любка померла!

И Виктор начал тяжело подниматься из-за стола. Мы с подругами первыми выскочили на улицу и поэтому первыми увидели невысокую темноволосую женщину с решительным лицом и маленькими пронзительными глазками, шагавшую к дому с таким видом, словно за ней выступала по меньшей мере многотысячная армия с боевыми орудиями. На самом деле вся армия представляла собой одного-единственного высокого парня со слащавым и очень уж испитым лицом и длинными, давно не мытыми волосами. Одет он был хоть и в дорогие вещи, но как-то неопрятно. Замшевая куртка залоснилась на сгибах. Отворот рубашки был явно не свежим. Кроссовки были какими-то серыми, а дорогие джинсы оказались украшены несколькими декоративными подтеками, оставшимися от красного вина или соуса.

– С сынком прибыли, Раиса Захарьевна! – услышали мы за своей спиной голос Виктора. – Что? Выпустили уже мальчика?

– А тебе-то что? – сурово ответствовала женщина. – Не к тебе, чай, приехали. К дочери! Ты-то что тут делаешь?

– Дом-то мой, – отозвался Виктор.

– Дом ты моей дочери после развода отписал! – решительно сказала Раиса Захарьевна. – Раз и навсегда! Сделка обратного хода не имеет! Дом – наш! Вон и покупатели приехали, – углядев нас троих, заявила Раиса Захарьевна. – Уезжай, Витя, по-хорошему. Не позорься перед людьми!

– А чего мне позориться! Дом я Любке дарил, а не вашему сыночку, который с нар не слезает!

– Ей и дарил, – согласилась Раиса Захарьевна, поднимаясь на крыльцо и тесня мужчин. – Никто не спорит. Где дочка?

На этот вопрос Виктор ответить не решился и молча ушел в дом.

– Где Любка? – этот вопрос был адресован капитану, который тоже что-то смущенно пробормотал и ретировался.

– О, – уперла руки в боки Раиса Захарьевна, – погляди на них, Митенька! Тебя упрекают, а сами с утра пораньше уже зенки до бровей залили! Слова сказать не могут!

– Да ладно тебе, мама, – капризно заявил сынуля. – Сама же Любку за это чмо отдала! Не с милицией же нам Виктора отсюда гнать, тем более что он с ней и пьет.

И парень, хохотнув, обнаружил существенную недостачу зубов.

– Продадим дом, он и отстанет, – добавил он, кинув на нас оценивающий взгляд.

Его мамаша тоже наконец обратила на нас внимание.

– Вы ведь покупатели? – спросила она. – Дочку мою не видели?

Мы с подругами оглянулись по сторонам. Но двор словно вымер. Прапор и Женька, которые только что крутились поблизости, в один момент испарились, словно их и не было. Коля с экспертом все еще находились возле тела Любки в старом доме. А Виктор с капитаном и Любимой носа из дома не казали. По всему выходило, что ужасную новость родным Любки предстояло сообщить нам. Одна была надежда, что, судя по рассказам Виктора, они не станут слишком убиваться по своей сестре и дочери.

– Любы тут нет! – сказала Мариша.

– А где же она? – удивилась Раиса Захарьевна.

– Она в старом доме, – ответила Катька. – Только знаете... Она не в очень хорошем состоянии.

– Совсем в плохом, – подтвердила я.

– Да что с ней? – потеряла терпение женщина. – Если этот грубиян ее чем-то огорчил, я его кочергой так отхожу, что он у меня по врачам замучается ходить!

– Нет, Виктор тут ни при чем, – вздохнула Мариша. – То есть хотелось бы верить, что он ни при чем. Понимаете, ваша дочь... В общем, сегодня ночью она умерла.

– Что? – побледнела Раиса Захарьевна и попыталась криво улыбнуться. – Это что, у вас, у городских, такие шутки нынче в моде?

– Да нет же! – с отчаянием произнесла я. – Она в самом деле умерла. Повесилась.

На всякий случай я решила пока не говорить всей правды, опасаясь расправы с Виктором и его новой женой. А нам только очередных трупов тут не хватало. С одним и то разобраться не можем.

– Ой! – схватилась за голову Раиса Захарьевна. – Да как же это? Где она, вы говорите? Там?

И, повернувшись в сторону старого дома, она побежала туда. Ее сын помчался за ней следом. А мы за ними, надеясь, что сердце у Раисы Захарьевны, как у всех выросших на свежем воздухе людей, крепкое и она как-нибудь выдержит и не свалится с приступом. Потому что, где брать тут в глуши «Скорую помощь», я представляла себе плохо. Какая уж тут «Скорая», если даже милиция приехала только потому, что мент был когда-то дружен в школе с хозяином этого несчастного дома.

Глава 5

Самое жаркое время мы с подругами провели на веранде. В гостиной на лучшем в доме диване охала и стонала Раиса Захарьевна, обвиняя своего бывшего зятя в том, что он не уберег ее кровиночку и позволил ей наложить на себя руки. Правды о смерти дочери ей так никто и не решился сказать. Но вскоре Раиса Захарьевна немного утихла и попыталась прояснить ситуацию.

– Ты, Виктор, надеюсь, понимаешь, что наследником моей дочери ты быть никак не можешь! Вы с ней в разводе. И все родственные и прочие отношения между нами прекращены. Тем более что ты теперь в новом браке состоишь. Так что единственные Любкины прямые наследники – это мы с Митей. Я – мать, а он ее родной брат.

– Это еще как суд посмотрит! – запальчиво воскликнул Виктор. – Я вам свой дом оставлять не намерен. Я его своей жене оставил. А вы мне кто такие?

– А ты Любке кто теперь? – заорал Митька.

– Ты вообще молчи! А то харю тебе начищу! – не остался в долгу Виктор.

– Да я тебе сама сейчас всю рожу раскровяню! – заступилась за сына только что совсем помиравшая Раиса Захарьевна. – Ишь, имущество наше решил под шумок к рукам прибрать. Хапуга!

– Мало вам тех денег, что вам Любка перетаскала за эти десять лет! – вызверился Виктор. – Думаете, я не знаю, что вы постоянно ее науськивали, чтобы она вам деньги носила! Не знаю, сколько ее шмотки на самом деле стоят! Она их на рынке покупала, а мне заливала, что в дорогих бутиках. И добро бы для себя выгадывала. Так нет же! Все вам! На уголовника вашего, чтоб он сдох вместе с вами! Это вы ее до смерти довели!

– Ты – душегуб! Сына моего не трожь!

– Подлец!

– Паскуда!

Мы с интересом слушали и ждали, когда мамаша и «вдовец» вцепятся друг в друга. Но так и не дождались. На сцену выступило еще одно действующее лицо, которое за сегодняшний день едва ли проронило пяток слов. Новая жена Виктора Любима спустилась наконец из мансарды, и ее мелодичный негромкий голос, звеня серебром, каким-то образом заглушил вопли Раисы Захарьевны, ее сыночка уголовника и Виктора.

– Не стоит так шуметь, – произнесла Любима. – Всем сегодня пришлось тяжело. Все переживают из-за смерти девушки. А вопрос с домом можно решить мирным путем.

– И каким же это? – поинтересовалась у нее Раиса Захарьевна.

– Вы ведь все равно жить тут не станете, а дом хотите продать? – спросила Любима. – Так продайте его Виктору. Он даст за него хорошую цену. Мы и Любе вчера это же предлагали.

В комнате воцарилось молчание.

– Что же, – наконец произнесла Раиса Захарьевна, – это можно. Если в цене сойдемся, то почему же и не продать. Ладно.

– Слушай, что сейчас начнется! – шепнула мне Катька.

И точно. Не успела она замолкнуть, как в комнате раздался басистый рев Прапора:

– М-и-инуточку! Что это вы тут за моей спиной решили? – ревел он, словно бешеный слон, которому отдавили ногу. – Дом-то наполовину мой! Вот и расписочка у меня в получении денег хозяйкой имеется!

– И он прав! – заступился за друга Женька. – Раз деньги заплачены, то вы уже торговать этот дом не можете!

– Он наполовину мой! – повторил Прапор.

Какой шум поднялся после этих слов, трудно передать. Все кричали одновременно и каждый свое. Мы с подругами с интересом ждали, когда наконец Виктор объединится со своей бывшей тещей и они просто выкинут Прапора и Женьку из дома. И мы наконец поедem дальше в более спокойное местечко.

– В конце концов, свет клином не сошелся именно на этом Любкином доме, – мудро заметила Катька. – В округе еще полно привлекательных домов. А этот мне решительно понравился.

– Только у твоего Прапора уже нет денег, чтобы себе другой дом сторговать, – хмыкнула Мариша. – Если, конечно, правда то, что он говорит, будто бы отдал все деньги Любке.

– Он весь бледный и трясется, – заметила я. – Думаю, что не врет.

– Тогда плохо дело, – вздохнула Мариша.

– Пока он свои деньги не вернет, отсюда мы никуда не уедем, – подтвердила Катька. – Да нас и не отпустят.

– Кто нас не отпустит? – возмутилась я.

– Милиция, – пожав плечами, ответила Катька. – Мы же были тут, когда убили Любку. Они наверняка захотят поговорить с каждым из нас, и не один раз.

И словно в воду глядела. Про милицию я как-то и забыла. Но тем не менее через несколько минут, когда свара в доме как раз достигла критической точки и ее участники готовились от слов перейти к боевым действиям, ступеньки крыльца скрипнули под чьими-то шагами. И в дом вошел наш знакомый капитан, красный от жары и выпивки, в сопровождении стажера Коли. В тот момент, когда капитан перешагнул через порог, в гостиной что-то ухнуло как бы с размаху об пол. Капитан нервно вздрогнул, а Коля так и замер с занесенной над порогом ногой.

– Что это? – недоуменно посмотрев на нас, спросил капитан.

Мы не знали. Но судя по тому, как содрогнулся дом, упало что-то очень и очень тяжелое. И тут же из гостиной раздался душераздирающий женский вопль. Мы все одновременно ринулись на выручку и, разумеется, застряли в проеме двери.

– Да пустите же меня! – рвался вперед капитан, который никак не мог отпихнуть оказавшуюся более шустрой Маришу.

– Не могу! – пыхтела она, в свою очередь, так как на нее напирала с одной стороны Коля, с другой Катька, а сзади штурмовала дверь еще и я.

Наконец капитан прорвался вперед, потеряв при штурме двери сушную безделицу – одну пуговицу и кусочек своей рубашки. И совершенно непонятно, чего он из-за таких пустяков окрысился на всех нас. Можно подумать, это мы у него эту пуговицу всем составом откручивали. Да и пуговица-то была не бог весть какая ценная. По правде сказать, таким пуговицам рубль цена за десяток.

– Свое добро пришивать к себе крепче нужно! – посоветовала ему вслед Мариша.

Но капитан даже не оглянулся, потому что вопли в гостиной перешли уже в разряд ультразвука, то есть стали почти не слышны. Вбежав в комнату следом за капитаном, мы узрели жуткую картину. На полу лежал огромный старинный дубовый шкаф, доставшийся Виктору от его дедов. Шкаф был сработан на славу, потому что, упав на пол, он не развалился и даже ни одна дверца у него не отвалилась. Из-под шкафа торчали женские ноги в темных колготках. Прапор и Митька тянули каждый за свою ногу, а Женька тщетно пытался поднять тяжеленный шкаф. Время от времени ему это ненадолго удавалось, и тогда Прапор с Митькой делали рывок, а из-под шкафа раздавались приглушенные вопли. Любима забилась в угол и оттуда, с безопасного расстояния, взирала на происходящее, так что мы сразу поняли, что ноги под шкафом принадлежат не ей.

– Что тут происходит? – грозно осведомился капитан.

– Раису Захарьевну шкафом придавило, – отдуваясь, ответил Прапор. – Чего встали как неродные? Помогите. Видите, кончается там человек.

– Шкаф-то тяжеленный, – согласился с ним капитан. – Она, поди, и дышать не может.

Тем не менее спешить на подмогу он что-то не торопился.

– Может быть, она уже умерла? – спросил он, задумчиво глядя на замершие ноги.

Но те в ответ энергично задергались, опровергая это предположение.

– Что же, – тяжело вздохнул капитан. – Колька, берись справа! А я слева ухвачусь.

Втроем они с трудом, но все же подняли огромный шкаф. А Прапор с Митькой наконец выдернули из-под него Раису Захарьевну. Шкаф водрузили на прежнее место, недосчитавшись одной ножки.

– Это вы меня погубить хотели! – заявила всем Раиса Захарьевна, как только немного пришла в себя и смогла говорить.

А говорить она смогла, едва сделав первый вдох полной грудью.

– Ироды! – завопила она. – Смерти моей хотели. Доченьку мою сгубили, а теперь за меня взялись. Шкаф на меня свалили. Думали, пришибет! Так не дождетесь! Я вас всех переживу! А тебе, Васька, стыдно должно быть! Участвуешь в убийстве несчастных женщин, а еще при погонах! Оборотень ты! Вот ты кто после этого!

Услышав вместо благодарности за проявленную заботу отборную ругань и незаслуженные оскорбления, капитан даже посинел от злости.

– Гражданка Клюкова! – воскликнул он. – Я вас сейчас за клевету привлеку.

– Во-во! – неожиданно обрадовалась Раиса Захарьевна. – Привлекай. Глумись над бедной вдовой! Каждый в меня плюнуть норовит!

– Ну что ты, мама! – кинулся утешать ее Митя. – Я не позволю тебя обижать.

– И мы не убивали вашу дочь, – сказал Прапор. – Сами бы хотели знать, кто это сделал.

Он ляпнул и тут же прикусил язык. Но было уже поздно. Раиса Захарьевна подняла заплаканное лицо и уставилась на Прапора своими маленькими глазками.

– Что вы хотите сказать? – спросила она. – Что Любка не сама на себя руки наложила? Ее что, убили, что ли?

Она перевела взгляд на капитана, который смущенно кивнул.

– Ах ты, гадока какая! – внезапно налилась гневом Раиса Захарьевна. – Подлая тварь! Мало тебе, что ты мужа у моей девочки отбила, так теперь тебе еще и жизнь ее понадобилась.

И с этими словами она сделала попытку придушить сидящую в углу Любиму. На выручку жене кинулся Виктор, а на помощь матери Митька. В конце концов продолжавшую сыпать страшными проклятиями Раису Захарьевну все же оттащили от дрожащей Любимы.

– Гражданка Клюкова, вы не должны никого обвинять, тем более безосновательно, – попенял ей Коля.

– Помолчи ты, щенок! – закричала женщина. – Много ты знаешь. Безосновательно! Скажешь тоже! Есть у меня основания. И еще какие! Эта стерва боялась, что Виктор кое-что про ее художества узнает и бросит ее. Вот так-то! Мне Любка сама сказала!

– Раиса Захарьевна, замолчите! – внезапно побледнел Виктор. – Любима была моей женой до вашей Любки. И если бы она не исчезла, то я на вашу Любку никогда бы и не посмотрел. Вам лучше знать, как получилось, что я женился на вашей дочери. Никакой любовью там и не пахло.

– Вот ты и спроси у своей драгоценной и любимой нынешней женушки, чем она все эти годы занималась и где и с кем она их провела! – закричала Раиса Захарьевна. – Любка-то моя про нее много чего узнала! Все эти месяцы только и думала, как бы эту паскуду на чистую воду вывести да тебе, дураку, глаза раскрыть.

– И что же она узнала? – спросила Мариша.

– Много чего, – кивнула в ее сторону Раиса Захарьевна. – Да только не вашего это, голубушка, ума дело. Сейчас говорить не стану. Только знаю, что моя дочь много чего об этой подлюке сказать могла. И ты, Витя, ее бы точно бросил. Мне Любка так и сказала. Радостная такая домой прибежала. Мама, говорит, я такое про эту стерву узнала, закачаешься. И теперь Виктор ее точно выгонит.

И, закончив свою речь, Раиса Захарьевна откинулась на спинку дивана, куда ее усадили. Видя это, капитан негромко кашлянул, призывая всех к вниманию.

– Отношения между собой будете выяснять позже, – сказал он. – А пока... Пока мне поручено вести дело об убийстве гражданки Плаховой.

– Она Клюкова! – хмуро поправил его Виктор. – Любка фамилию после нашего развода девичью взяла.

– Вот в связи с этим порученным мне расследованием обстоятельств смерти гражданки Клюковой, – послушно поправился капитан, – и в связи с тем, что эксперты примерно установили временной промежуток, когда она рассталась с жизнью, у меня есть к собравшимся несколько вопросов.

Первый вопрос капитана оригинальностью не блистал. Он желал знать, кто последним видел убитую живой.

– Разумеется, это был убийца! – проворчал Женька. – Что за дурацкие вопросы?

– Придумайте получше! – неожиданно разобиделся капитан. – Тоже мне, умники. Сами дел наворотили, а меня критикуют. Вот вы, вы лично, когда видели погибшую живой в последний раз? Когда это было?

– Около половины первого, – пожал плечами Женька. – Мы разошлись около полуночи. Потом я не мог заснуть, поворочался и вышел покурить. Тогда я ее и видел.

– И когда вы вернулись в дом?

– Почти сразу же, – ответил Женька. – Минут пятнадцать посидел на улице, потом меня комары укусили, и я вернулся. И лег спать в гостиной. Все это могут подтвердить.

– Подтверждаем, – кивнули мы с подругами. – Он здорово храпел, мы слышали.

– Хорошо, – кивнул капитан. – В таком случае, вы можете быть свободны.

– Почему это он может быть свободен? – насупился Виктор. – За пятнадцать минут много можно успеть. А этот тип весь вечер возле Любки крутился, только не на ту напал. Нужен ты ей!

– Он может быть свободен, потому что смерть наступила примерно в промежутке от двух до половины четвертого утра, – пояснил всем капитан. – И сразу хочу спросить, у кого из присутствующих есть на это время алиби? Лучше скажите сразу, чтобы не усложнять процесс.

Алиби оказалась у Женьки и у Прапора, которые громко храпели, так что их слышали все. Алиби оказалось и у нас с подругами, поскольку мы все время держались вместе в ожидании, когда наконец явится домой Любка. Любима и Виктор подтвердили алиби друг друга, чем всем и пришлось довольствоваться, потому что наверх к ним никто не поднимался. А внизу среди ночи тоже их никто не видел. Правда, мне не давало покоя мужское покашливание, которое я слышала в кухне, куда и вела лестница мансарды. Но, с другой стороны, мне могло и почудиться. Прапор и Женька выводили такие рулады и так хрюкали, икали и чмокали во сне, что могли и кашлянуть ненароком.

В связи с тем, что у всех собравшихся имелось алиби на момент убийства, капитан зашел в тупик, а потом согласился выслушать наш рассказ о том, как соседский мальчишка, браконьерствуя возле реки, видел Любку в обществе какого-то высокого мужчины. Было это около двух часов ночи. По словам мальчишки, потом эти двое двинулись в направлении деревни. Он за ними не пошел, так как боялся оставить сети без присмотра.

– Вы не знаете, кто это мог быть? – обратился капитан к Раисе Захарьевне. – С кем из высоких мужчин ваша дочь общалась?

– Не было у нее никаких мужчин! – возмущенно воскликнула Раиса Захарьевна. – Что вы мою дочь порочите! Любка у меня в строгости была воспитана. Я ее замуж невинной девушкой отдала! Вот так-то. Не то что нынешняя молодежь – где только подолом не трясут.

– Гражданка Клюкова, никто вашу дочь и не собирается позорить! – вспыхнул капитан. – Я разве сказал, что она с любовником встречалась? Нет! Я вас спросил, были ли у нее знакомые мужчины высокого роста. Может быть, кто-то ей угрожал в последнее время? Или ее преследовали? Шантажировали? Она вам не жаловалась ни на что такое?

– Нет, – немного подумав, покачала головой Раиса Захарьевна. – Любку все любили. И никаких мужчин в ее жизни не было. Только разве что Костик... Он высокий, но он бы никогда мою дочь не обидел. Он ее боготворил.

– Что за Костик такой? – неожиданно ревнивым голосом спросил Виктор. – Откуда он появился?

– А тебе что за дело? – злобно посмотрела на него Раиса Захарьевна. – Ты с моей дочерью развелся. Ну и все! Помалкивай теперь!

И, повернувшись к капитану, она продолжила:

– Был у нее дружок один школьный. Он за ней еще в школе таскался с портфелем. Контрольные давал списывать, домашние задания они вместе делали. И родители его всегда Любку у себя в доме привечали. Только вот Любка замуж за Виктора вышла. Но Костик ее не забыл, и она его, видать, тоже. Когда они с мужем развелись, она ему первому позвонила.

– И он высокий, этот ваш Костик?

– Да, – кивнула головой Раиса Захарьевна. – Высокий и худощавый. Вообще, симпатичный парень. И всего в жизни сам достиг. Никогда бы не подумала, что он далеко пойдет. Семья у него небогато всегда жила. Отец и мать инженеры. А после перестройки и вовсе не у дел оказались. И гляди-ка, всех Костя вытянул. И отца, и мать к делу пристроил. Все довольны.

– И чем он занимается?

– В каком-то большом банке работает, – ответила Раиса Захарьевна. – Точно адрес не знаю, но возле станции метро «Горьковская». И он уже менеджер. Мать в этом банке полы моет, а отец в отделе охраны служит. Мне Любка говорила, что Костю скоро повысить должны. Лично я для Любки лучшей бы партии теперь и не пожелала.

– Так, значит, жених! – отметил у себя в бумагах капитан. – Как его фамилия?

– Костя Осин, – ответила Раиса Захарьевна. – Но вы его не подозревайте. Он хороший мальчик. И Любку очень любил. Он ее убить никак не мог.

– Проверить все равно придется, – пояснил стажер Коля. – И даже если он и не виноват, кто-то же должен помочь следствию, раз у вас с дочерью были не слишком доверительные отношения.

– Что? – моментально вспыхнула Раиса Захарьевна. – Это мне-то Любка не доверяла? Родной матери? Скажешь тоже! Она мне все рассказывала!

– Но тем не менее вы ничего о ее планах не знали!

– А не было у нее никаких планов, – почему-то смутившись, ответила Раиса Захарьевна. – Какие планы, коли она только три месяца назад как развелась? Она пока только в себя после пережитого стресса приходила.

– А подруги у вашей дочери были?

– Это да, – кивнула Раиса Захарьевна. – Это сколько угодно.

– Нам сколько угодно не надо, нам самые близкие нужны, – уточнил Коля.

– Ну, из близких подруг у нее только Наташа Уточкина и Света Филиппова остались. Они обе замужем, но детей у них нет. Вот они с моей Любкой в последние годы тесней остальных ее подруг общались.

Капитан перевел взгляд на Виктора, и тот молча кивнул, подтверждая слова бывшей тещи.

– Точно, – сказал он. – Вечно по танцулькам втроем шатались. И по телефону часами могли болтать. Как ни придешь домой, вечно какая-нибудь поблизости ошивается. Одна уходит, другая приходит. Болтушки и пустышки!

– Значит, так и запишем, – пробормотал капитан. – Две подружки и жених. Кто-нибудь еще был?

Раиса Захарьевна отрицательно помотала головой.

– А тебе она, – и капитан неожиданно развернулся в сторону Митьки, – тебе как своему родному брату она ничего о своих проблемах не рассказывала?

– Да я с ней не очень-то... – замямлил Митька. – Не очень-то часто дома бывал. Любка все больше с матерью советовалась. А что я ей мог посоветовать, я в их женских делах не разбираюсь. У меня и своих проблем предостаточно. Любка это понимала и ко мне не цеплялась.

– И что у вас за проблемы? – осведомился у него Коля.

– А тебя не касается, – огрызнулся Митька. – Мои проблемы, мне их и решать.

– Проблемы твои, гаденыш, всю жизнь бабы решали, – злобно бросил Виктор. – Ты нам тут мозги не парь. На первом суде тебя мать отмазала, кучу бабок адвокату отвалила. Во второй раз ты минимальный срок получил, хотя мог бы пойти по максимуму. Думаешь, за красивые глаза к тебе судья такая добренькая была? И на третьем ты тоже сушей ерундой отделался! А ведь ты за всю жизнь ни дня, считай, не проработал. Вечно по бабам своим шляешься и водку литрами глушишь! Да еще шмаль эту смолишь!

– Ты, можно подумать, не пьешь и не куришь! – хмуро буркнул Митька, но открыто схватываться с бывшим родственником не стал.

– Ну, хорошо, – кивнул капитан. – Я тут по соседям похожу, поспрашиваю. Может быть, кто-то из них видел что-нибудь подозрительное. А вы тут побудьте. Только прошу вас, не ссорьтесь. У вас же общее горе, не время свару из-за наследства устраивать. Дождитесь хоть похорон. Ну, так я надеюсь на вашу сознательность. Коля, пошли по соседям.

И с этими словами капитан, неожиданно повеселев, поднялся и потопал из дома, смешно переваливаясь с ноги на ногу. Коля двинулся за ним. Прапор с Женькой снова увлеклись спором с Виктором и Раисой Захарьевной, решая, кому же из них теперь владеть домом, а мы с подружками, предоставленные самим себе, потихоньку выскользнули следом за Колей.

– Коля, – догнала его Катька, – можно мы с тобой пойдём?

– Куда? – удивился парнишка. – Мы с капитаном сейчас должны опрос соседей провести.

– Вот именно, – кивнула Катька. – А мы тебе немного поможем. Ты сам посмотри, капитан сразу лыжи наострил куда-то, небось его уже самогон с закуской у кого-то из его родичей или знакомых дожидается. Выходит, тебе одному придется соседей опрашивать. А соседей тут много. Сам видишь, деревня-то не маленькая. Мало ли кто и чего мог видеть этой ночью. Тебе одному и за два дня не справиться.

Коля немного подумал, посмотрел вслед уже скрывшемуся за изгородью соседского дом капитану, почесал в затылке и признал, что Катька, пожалуй, права. Родственников и просто знакомых у капитана было в этой деревне полно в каждом доме. А в субботу во второй половине дня, когда многие собирались в баньку или уже вернулись из нее, вряд ли легко поддающийся соблазну выпить капитан долго оставался бы трезвым.

– Тогда вот что, – сказал нам Коля. – Вы идите по ту сторону дороги, а я обойду дома, что поближе к реке стоят.

Надо сказать, что вся деревня располагалась возле реки. Одна линия тянулась вдоль берега, потом шла песчаная полоса дороги, а затем шла вторая шеренга домов, не такая стройная, потому что простора тут было гораздо больше. Участки никто всерьез не делил. Так, иногда несколько жердин, иногда покосившийся забор, а иной раз и вовсе ничего. Впрочем, вокруг огородов стояли изгороди, чтобы уберечь урожай от потравы случайно забредшими коровами или козами. Местность вокруг была холмистая. И некоторые дома стояли на пригорках, другие

в низинках. И повсюду стояли разнообразные деревенские строения: бани, сараи, сеновалы, овины, курятники, дровники и еще масса всяких, названия которым мы даже и не могли дать, но которые кому-то принадлежали, хотя и не всегда было понятно, какое строение к чьему хозяйству относится.

– Конечно, Колька выбрал себе самые перспективные дома, – заняла Катька, когда мы начали удаляться от реки.

– А ты что, хотела, чтобы он послал нас к людям, которые, возможно, видели, как Любка вчера возвращалась с реки со своим кавалером, а сам бы поплелся опрашивать жителей отдаленных домов? – хихикнула Мариша, которая слегка запыхалась от крутого подъема, ведущего к одному из домов.

Мы постучали в калитку и вошли. Этот дом мы облюбовали издали. Возле него раскинулся красивый цветник, который невольно привлекал к себе взгляд. Главным образом тут росли розы. Кустовые, махровые, вьющиеся по шпалерам и тянущиеся к солнцу. В розарии возилась какая-то женщина. Подняв голову на шум, она прищурила глаза. Мы поздоровались и объяснили, что являемся добровольными помощниками следствия.

– И правильно, – легко согласилась женщина. – От нашей милиции толку никакого. Участковый – пьяница. В прошлом году у сына велосипед украли, так он у меня даже заявление не мог принять целую неделю, никак не просыхал. А про Любку я уже слышала. Да у нас уже все слышали. Что вы хотите, деревня. На одном конце чихнешь, на другом тебе доброго здоровья пожелают.

Но, несмотря на благожелательность, женщина Любку ночью не видела. И вообще никого и ничего подозрительного не заметила.

– Я спать рано ложусь, – пояснила она. – Вы бы лучше зашли к Парамоновне.

– А это кто?

– Мать Кирилла, – ответила женщина, как будто это должно было нам что-то прояснить.

– А Кирилл – это кто? – осторожно спросила Мариша.

– Так вы что, совсем ничего не знаете? – воскликнула женщина. – А ведь у нас все бабы болтали, что Виктор с Любкой и расплевался-то потому, что она с этим Кириллом целыми днями болталась.

– Да вы что? Это ее любовник?

– Вот чего не скажу, того не скажу, – отозвалась женщина. – А точнее сказать, если промеж них что и было, то после развода все прекратилось. И кабы они в самом деле любовниками были, так после развода, напротив, должны были бы тесней общаться. Ведь теперь им никто не мешал. Любка свободна, а Кирилл никогда женат и не был.

– А что так?

– Молод еще, – пожалала она плечами. – Ему только двадцать пять этой зимой стукнуло. А Любка его постарше была. Хотя по ней и не скажешь.

– А этот Кирилл сейчас в деревне? – спросила я.

– Нет, – покачала головой женщина. – Но Парамоновна точно у себя дома. Ну, а коли ее сынок с Любкой хороводился, так она тоже про нее поболее других знать должна.

Мы поблагодарили словоохотливую женщину и побрели к дому Парамоновны, дорогу к которому нам была любезно указана.

Глава 6

Дом Парамоновны, до которого мы добирались добрых пятнадцать минут, оказался стоящим совсем рядом с домом Любки и отделенным от ее участка лишь длинными горизонтальными жердями. А все потому, что дорога, по которой мы шли, делала здоровенную петлю. Знай мы заранее, куда нам предстояло идти, потратили бы вдвое меньше времени.

Сама Парамоновна оказалась средних лет женщиной, одетой в темную юбку и деревенскую кофту, на голове у нее была повязана простая косынка. Так одевалось большинство деревенских баб по какой-то неписаной моде. Встретила она нас далеко не так доброжелательно, как ее соседка.

– Кирилл? – моментально ошетинившись, переспросила она. – А почто мой сын вам сдался?

– Мы из дома, где случилось убийство, – объяснила ей Катька.

– Ну! – кивнула Парамоновна. – А мой сын тут при чем? Он с Любкой с прошлого лета не виделся! Кирилл в этом году сюда приезжал всего два раза. И к ней не ходил. У него теперь другая девушка в городе есть. И дело к свадьбе идет. И что бы там Любка или наши сплетницы вам ни наплели, Кирилл знать эту Любку больше не хочет.

– В самом деле? – задумчиво спросила у нее Мариша. – И у него есть другая девушка? И даже дело к свадьбе движется. А вот хотелось бы знать, как Любка к этому надвигающемуся событию относилась?

– Это вы о чем? – вроде бы растерялась Парамоновна.

– А вот, говорят, Любка с мужем из-за вашего сына расплевалась, жизнь свою личную поломала, а Кирилл взял и к другой от нее переметнулся. Разве она этим могла быть довольна?

– Ну верно, обиделась она чуток, когда я про Кирилла этой весной ей правду сказала. А что тут такого? Сказала я и правильно сделала. Надоело мне! А то эта Любка таскается ко мне и таскается. Где Кирилл да где Кирилл? Я ей и сказала, что поздно, матушка, Кирилл уже на другой женится. Она и отстала!

– От вас, может быть, и отстала, – сказала я. – А вот с вашим сыном, я уверена, она беседу имела. И еще неизвестно, чем она ему пригрозила.

– Да вы что это удумали? – встревожилась Парамоновна. – Что мой Кирюша убил Любку, чтобы она ему свадьбу не испортила? Чушь это! Выбросьте из головы!

– Чушь или не чушь, еще не известно, – ответила Катька. – То, что вам в это не верится, еще ничего не значит! Вполне возможно, что ваш сын – убийца. А вы еще за него заступаетесь!

Если кто думает, что после этих Катькиных слов Парамоновна устыдилась своей позиции, немедленно признала нашу правоту и дала все координаты своего сына, то он здорово ошибается. Из дома озверевшей бабы мы мчались сломя голову, преследуемые ее криками и злобной лохматой собакой, которую баба спустила на нас с цепи.

– Вот дела! – сказала Мариша, когда крики оскорбленной матери затихли вдали и мы наконец отвязались от злобной собаки.

Я вытерла пот со лба и сердито покосилась на Катьку.

– А что? – немедленно спросила та. – Я же тебя поддержать хотела.

– Спасибо, – растрогалась я. – Только в другой раз, когда ты захочешь мне доброе дело сделать, ты меня заранее предупреждай. А то мы можем так легко и не отделаться.

– Да ладно вам, – помирила нас Мариша. – Главное мы узнали. У Кирилла была в городе невеста. И живет он пока вместе с матерью. А узнать адрес Парамоновны мы и у кого-нибудь из ее соседей сможем. Вон сколько домов нам еще обойти нужно. Уверена, в каком-нибудь нам их адрес точно дадут.

И мы продолжили обход домов. Адрес Кирилла мы и в самом деле раздобыли. И даже узнали номер его сотового, который нам дал один бравый старичок, которого Кирилл этой весной подвозил на новенькой «десятке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.